
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Материалы научной конференции,
посвящённой 300-летию начала
преподавания японского языка
в Санкт-Петербурге

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2005

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Материалы научной конференции,
посвящённой 300-летию начала
преподавания японского языка
в Санкт-Петербурге

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2005

Материалы научной конференции, посвящённой 300-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербурге. 22 октября 2005 г. – СПб. – Изд-во СПбГУ, 2005. – с.119.

Издание осуществлено Восточным факультетом Санкт-Петербургского университета

Ответственные редакторы и составители:

В.В.Рыбин, А.В.Филиппов

Дизайн и оригинал-макет:

А.В.Филиппов

© Авторы текстов

Рыбин В.В.

**ПЕРВЫЕ ВЕХИ ТРЕХСОТЛЕТНЕГО ПУТИ
ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**
(от ДЭМБЭЯ до создания кафедры японской словесности в СПбУ)

История изучения японского языка в Санкт-Петербурге уходит своими корнями вглубь веков. Ровно 310 лет назад (в 1695 г.) японское судно (одно из 12-ти, по другой версии — из 15-ти, потерпевших крушение из-за налетевшего шторма), на котором находился приказчик Дэмбэй, следовавшее из Осака в Эдо в караване судов с зерном и ценными товарами, после 6-ти месяцев дрейфа без мачты в открытом море потерпело крушение у южного побережья Камчатки. Там он и попал к камчадалам. С Камчатки в 1699 г. Дэмбэй, которого поначалу из-за языкового барьера сочли человеком из некоего царства «Индо» (видимо, так было воспринято название г.Эдо — нынешнее название Токио) из государства по названию Удзака (скорее всего, Осака), был отправлен в Якутск, а в 1701 г. в декабре он прибыл в Москву (см. 9:6,7): «В начале января 1702 г. Сибирский приказ записал с его слов ‘скаску’. О себе он сказал, что его зовут “Дэмбэем, Дисаев сын, родом японского острова города Осака... А отец его, Дэмбеев, живет в том же городе — промышляет торговым промыслом”» (7:12).

Дэмбэй получил аудиенцию у Петра Великого в подмосковном с. Преображенском в том же январе. После подробных расспросов чужеземца о делах японских тридцатилетний Петр повелел немного спустя (в апреле 1702 г. в Москве) подучить Дэмбэя русской грамоте, а ему — «дать в научение трех-четырёх из русских ребят» для обучения японской грамоте (см.9:7).

В 1705 г. (ровно 300 лет тому назад) Дэмбэй был доставлен в Петербург и назначен преподавателем японского языка в классе при Навигационной школе. Об успехах Дэмбэя-преподавателя и его подопечных школяров судить трудно, но как будто бы эта попытка была не совсем удачной. В 1710 г. Дэмбэй был крещен и наречен Гавриилом (см. 7:13): он стал первым японцем, обращенным в православное христианство. Принятие православия лишило его надежды на то, что «его отпустят в Японскую землю» (там же). Дэмбэй-Гавриил скончался на чужбине.

Есть предположение, что один из членов экипажа японского судна, прибитого волнами к восточному побережью п-ова Камчатки в 1710 г., некий Санима, спасенный казаками, был препровожден в Петербург и преподавал здесь японский язык.

По сведениям, имевшимся в распоряжении В.Н.Горегляда, судно, на котором находился Санима, после скитаний по морям добралось до Авачинской губы, а затем, в 1714 г., Санима по прибытии в Петербург стал помощником Дэмбэя. Этот японец был также кре-

щен в православие и был женат на русской женщине. Он преподавал японский язык на берегах Невы до самой его смерти, последовавшей в 1734 г. (см.9:8).

На смену Дэмбэю и Санима в Петербург прибыли два японца — Содза и Гондза, которым удалось остаться в живых после высадки на южном берегу Камчатки в 1729 г. и суровых испытаний, выпавших на их долю: семь месяцев дрейфа по морю, убийство на их глазах их сотоварищей (15 человек) казачьим пятидесятником Штынниковым, который был за это впоследствии приговорен к смерти и казнен, долгая дорога через Якутск, Тобольск и Москву в Петербург. Они были приняты Анной Иоанновной, которая приказала обучить их основам христианства, и в 1734 г. (20 октября) они были крещены. Старший по возрасту Содза стал Козьмой, а юный Гондза (сын корабельного рулевого) — Дамианом. Дамиан был определен на обучение в Духовную семинарию при Александро-Невской лавре. Вскоре оба они должны были не только изучать русский язык, но и преподавать японский русским, для чего поступили в распоряжение Академии наук. И Козьма Шульц (Содза) и Дамиан Поморцев (Гондза) учительствовали в созданной в 1736 г. Школе японского языка при Академии наук до самой своей смерти. По сведениям МУРАЯМА Ситирō, Содза скончался 18 сентября 1736 г. в возрасте 43 лет, а Гондза — 15 декабря 1739 г. в возрасте 21 года (10:9). Гондза, по-видимому, был довольно одаренным молодым человеком. С того момента, как Гондза стал преподавать в только что созданной Школе японского

языка, т.е. с 1736 г. до смерти в 1739 г., им были составлены учебные пособия по разговорному японскому языку (1736 г.), тематический русско-японский словарь (1736 г.), краткая японская грамматика (1738 г.), «Новый лексикон славяно-японский» (1736-1739 гг.) (расшифрован с рукописного варианта и издан в Японии МУРАЯМА Ситирō в 1985 г.), содержащий около 12 тыс. слов, и т.д. В работе Гондза помогал сотрудник библиотеки А.И.Богданов, который помог раскрыться молодому таланту. Существует версия, что А.Богданов — сын японца Санима (см. выше), который женился на русской женщине. И после смерти Гондзы в течение многих лет Школа японского языка продолжала свою работу, хотя в ней не было природных носителей японского языка, а преподавали в ней Андрей Богданов и выпускники этой же школы — Петр Шенаныкин и Андрей Фенёв. Школа сохранялась в Петербурге вплоть до 1754 г., когда она была переведена в г.Иркутск.

Продолжение изучения японского языка в Санкт-Петербурге связано уже со второй половиной XIX в. Одна из страниц петербургской японистики связана в определенной степени с миссией Е.В.Путятина в Японию. Об этом посольстве написано немало. Цитируем по этому поводу для краткости В.Н.Горегяда : «10 августа 1853 г. в бухту Нагасаки вошла русская эскадра под командованием Е.В.Путятин, который, будучи главой официального посольства, имел на руках проект договора с Японией, утвержденный Николаем I, инструкции

Министерства иностранных дел, регламентирующих его поведение, и другие официальные бумаги.

Результатом переговоров Е.В.Путятинна было заключение им в январе 1855 г. первого русско-японского трактата об установлении дипломатических отношений» (6:13). Следует к этому добавить, что в этом (2005-м) году отмечается 150-летний юбилей этого события и в России, и в Японии.

После подписания Симодского трактата и последующих торговых договоров 1857 и 1858 годов начался и новый этап в истории русского японоведения и преподавания японского языка в Петербурге.

В составе российского посольства Е.В.Путятинна в Японию входили: А.Можайский — будущий авиаконструктор, который был офицером в эскадре; писатель И.А.Гончаров, описавший те события во «Фрегате “Паллада”» и других публикациях; И.А.Гошкевич, выпускник Петербургской духовной академии, служивший в 1839-1848 гг. в составе русской православной духовной миссии в Пекине, зачисленный переводчиком, т.к. владел китайским и многими другими языками (впоследствии с 1856 г. до назначения его консулом в Хакодате являлся сотрудником Азиатского департамента Министерства иностранных дел) и др.

В момент возвращения экспедиции Путятинна в Россию в 1855 г. к ней примкнул тайно покинувший Японию и подружившийся с российским экипажем, в первую очередь с И.А.Гошкевичем, который с энтузиазмом

старался познать японский язык, некий Татибана-но Косай. В.Н.Горегляд писал: «В 1855 г. с экспедицией Путятина в Россию прибыл тайно покинувший Японию уроженец провинции Тотоми (совр. префектура Сидзуока) Татибана Косай/Кумадзо (1820-1880). В России он крестился как Владимир Иосифович Яматов, много лет занимался переводческой и преподавательской работой, а в 1873 г. вернулся на родину» (5:172). В сноске 19 к своей статье В.Н.Горегляд сообщает, что «Косай — псевдоним Кумадзо, фамилия Яматов взята им при крещении по древнему названию Японии (Ямато). В молодости Косай был буддийским монахом. После возвращения из России (1874 г.) он взял себе имя Масуда Косай и стал буддийским отшельником» (5:174).

В Петербурге Татибана принял активное участие и всячески содействовал И.А.Гошкевичу в составлении первого большого японско-русского словаря, содержащего около 18 тыс. слов. Словарь был издан в 1857 г. и стал для будущих нескольких поколений русских японоведов настольной книгой. Словарь был удостоен Демидовской премии (см.11:26).

Сам же Татибана, принятый на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, в 1870 г. обратился к директору департамента П.Н.Стремоухову со своим пожеланием начать преподавание японского языка в Университете. Как пишет О.П.Петрова, Татибана (Масуда) оказался на российском судне в 1855 г., т.к. он умолил И.А.Гошкевича спасти его от казни, поскольку он (Татибана) был заподозрен япон-

скими властями в шпионаже в пользу русских: Татибана (Яматов) занимался с будущим первым российским консулом Гошкевичем японским языком. В знак благодарности русским за свое спасение он и предложил преподавать японский язык в Университете безвозмездно (см. 8: 45).

Исходя из архивных сведений, А.А.Бабинцев установил, что «В.И.Яматову было определено факультетом читать по две лекции в неделю для студентов III и IV курсов китайско-маньчжурско-монгольского разряда. Занятия проводились с октября 1870 по май 1874 года и прекратились в связи с отъездом В.И.Яматова на родину» (2: 124, 125).

Вышеупомянутый словарь был предварен общим очерком и характеристикой японского языка. По возвращении в Россию в 1865 г. И.А.Гошкевич опубликовал ряд японоведческих работ, что наряду с преподавательской деятельностью Яматова (Татибана) заложило первоначальную основу, по выражению В.Н.Горегляда, «регулярного русского японоведения. Соединение у одного специалиста китаеведческой подготовки, опыта практической работы в Японии и опыта лексикографических и филологических исследований оказалось плодотворным. Позднее оно нередко встречалось у русских японоведов конца XIX — начала XX в.» (6: 172, 173).

Далее преподавание японского языка на факультете стало прерогативой японцев-дипломатов, состоявших на службе при японской миссии в Петербурге.

Первым из них был НИСИ Токудзиро (1847-1912). Преподавал он до октября 1876 г., т.е. до его перевода по службе в Париж (см. 2: 125). В дальнейшем Ниси занимал высокие дипломатические посты, был министром иностранных дел в кабинете МАЦУКАТА Масаёси (1835-1924) и ИТО Хиробуми (1841-1909), членом и председателем Тайного совета, председателем Верхней палаты (см. 12: 104).

После некоторого перерыва на смену Ниси «факультет пригласил АНДО Кэнскэ (1854-1924), который имел японскую ученую степень и владел русским языком в такой мере, что посещал лекции на юридическом факультете. Баллотировка в Совете университета была единогласной, и в сентябре 1881 г. он начал занятия, которые “охотно посещаются студентами”. В 1883 г. Андо был назначен на штатную должность в японской миссии и по положению не мог иметь постороннюю оплачиваемую службу, но он выразил желание продолжать занятия, не получая жалования... Японский посланник Ханабуса в письме на имя ректора дал свое согласие» (2: 125).

Как раз в то время, когда Андо трудился и в японской миссии и в Университете, как писал А.А.Бабинцев (3) со ссылкой на «Правительственный вестник» от 3 сентября 1882 г.: «Вчера, в четверг, 2 сентября в 5 часов 45 минут курьерским поездом Варшавской железной дороги прибыл в Петербург его императорское высочество японский принц, фельдмаршал японской армии, вице-канцлер Арисугава-но мия». А.А.Бабинцев в деталях

осветил важный для нашего японоведения исторический факт, а именно то, что Арисугава-но мия Тарухито-синно (1835-1895) узнал в Петербурге, скорее всего от АНДО Кэнсукэ, что в далекой русской столице уже не первый год преподается японский язык, и занятия по японскому языку, судя по архивным данным, «охотно посещаются студентами». Принц высоко оценил этот факт и, вернувшись в Японию в марте 1883 г., распорядился послать в дар Петербургскому университету коллекцию книг из личной библиотеки в количестве 3465. Над описанием и составлением каталога этого книжного дара стал работать АНДО Кэнсукэ. Хотя ему не удалось завершить работу в связи с отъездом на родину, он, однако, по представлению факультета был награжден орденом Станислава II степени «за безвозмездное и успешное преподавание и составление каталога книг» (2: 126). В 1960 г. картотека-каталог вчерне был составлен усилиями Р.Г.Карлиной, которой не удалось выделить дар Арисугава из других поступлений. Как пишет М.В.Торопыгина, эту работу выполнил А.А.Бабинцев (13: 2). Аннотированный каталог т.наз. «Фонда Арисугава» был выполнен М.В.Торопыгиной и опубликован в Японии в 1998 г.

В тот период преподавание японского языка носило в основном практически ориентированный характер, и выпускники китайско-маньчжурско-монгольского разряда нередко шли на службу в МИД и в дальнейшем командировались в Японию. Так, например, В.Я.Костылев (1848-1918) после окончания факультета в 1874 г.

«поступил в МИД и уехал в Японию, где с 1884 по 1900 год был консулом в Нагасаки» (2: 126). В Японии также служили Ельницкий, Трахтенберг и Буховецкий, получившие знание японского языка в стенах факультета (см. 8: 46).

Факультет испытывал нужду в преподавателях японского языка после отъезда на родину АНДО Кэнсукэ. «В 1886 г. Советом Университета было вновь предъявлено Министерству ходатайство об учреждении кафедры японского языка. Ходатайство было поддержано Министерством иностранных дел. Факультет просил также о приглашении лица, могущего преподавать японский язык, однако этот вопрос получил движение только в 1888 г.» (там же).

Систематическим и постоянным преподавание японского языка становится с появлением на факультете в 1888 г. КУРОНО Ёсибуми (1859-1918), который, как писала О.П.Петрова, «состоял на службе при японском Министерстве просвещения и в 1887 г. приехал в Россию с научной целью» (8: 47). Получив в Японии не только соответствующее стандартное образование, Куроно Ё. окончил и школу русского языка при русской православной миссии, а также русское отделение Токийской школы иностранных языков (окончил в 1879 г.) и некоторое время преподавал в ней русский язык и историю, стал доцентом в своей альма-матер и обучал в будущем ставшего писателем и переводчиком русской литературы Фтабатэя Симэя. Ё.Куроно был из числа первого набора школы (см. 11: 33).

Выше приведены факты, связанные с начальным периодом изучения японского языка в России, Санкт-Петербурге и в нашем Университете. С появлением КУРОНО Ёсибуми действительно наступило время, когда преподавание этого языка становится более стабильным. Это связано с тем, что на смену японцам-кораблекрушенцам и японским дипломатам приходит именно он (КУРОНО Ёсибуми, в ряде публикаций — Иосибуми), хорошо образованный носитель японского языка и одновременно являвшийся русистом. А.А.Бабинцев со ссылкой на архивные данные сообщает, что «Куруно еще в Японии был крещен по православному обряду и принял имя Иосиф Николаевич» (2: 126), и далее: «не только исправно читает лекции, но и постоянно издает учебные пособия, отменно полезные для студентом» (там же). В «Библиографии Японии..» (4) значатся следующие пособия: 1) Куруно И. Японский алфавит с приложением складов и примеров. — СПб., 1888; 2) Куруно И. Русско-японские разговоры. С приложением японских пословиц, поговорок и т.п., переведенных на русский язык, и некоторых русских пословиц с переводом на японский язык. — СПб., 1894, IX, 630 с.; 3) [Куруно И., Панаев В.П.] Военный русско-японский толмач и краткий систематический словарь. — СПб., 1904; 4) Куруно Иосибуми. Введение в изучение японского языка. — СПб., 1888; 5) Куруно Иосибуми, Панаев В.П. Ключ к самоучителю японского языка. — СПб., 1913; 6) Куруно И [осибуми], Панаев В. [П.] Самоучитель японского языка. — СПб., 1913 и т.д. (4: 330-332).

Как отмечает В.М.Алпатов, «Россия стала для него [Куруно Ёсибуми] второй родиной, в Петербургском университете он преподавал до конца жизни. Вплоть до 1907 г. он был единственным преподавателем японского языка в университете» (1: 21).

После неоднократных обращений факультета в различные инстанции с резонными представлениями о необходимости создания кафедры японской словесности, в конце концов были изысканы требующиеся ассигнования. По решению Государственного совета были отпущены средства на усиление преподавания восточных языков, министр народного просвещения предложением от 25 февраля 1898 года учредил на факультете восточных языков кафедру японской словесности (2: 127).

Список использованной литературы

На русском языке:

1. Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. С.192.
2. Бабинцев А.А. Из истории русского японоведения // Японская филология. — М.: Изд-во МГУ, 1968. С.124-137.
3. Бабинцев А.А. Книги — посланники дружбы // Газета “Ленинградский Университет”, №13, 1983. С.6-7.
4. Библиография Японии: Литература, изданная в России с 1734 по 1917 г. / Сост.: В.С.Гривнин, Н.Ф.Ле-

щенко, М.В.Сутягина. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. С.380.

5. Горегляд В.Н. Доуниверситетское японоведение в России XIX века // Востоковедение. — Вып.21: Филологические исследования. — СПб., 1999. С.166-175.
6. Горегляд В.Н. Россия и Япония. От знакомства к изучению // Иванова Г.Д. Русские в Японии XIX — начала XX века.: Несколько портретов. — М.: Наука, Восточная литература, 1993. С.5-20.
7. Лещенко Н.Ф. Унесенные ветром в Россию// Япония. Путь кисти и меча. №2. М., 2002. С.12-14.
8. Петрова О.П. Кафедра японской филологии // Востоковедение в Ленинградском университете. Вып.13: Серия востоковедческих наук. Л.,1960. С.45-57.

На японском языке:

9. Горэгурядо V.N. Сакоку дзидай-но Росиа-ни окэру Нихон суйфутати (Горегляд В.Н. Японские моряки в России в период Эдо). Киото: Нитибункэн, 2001.
10. МУРАЯМА Ситирō. Предисловие // Син-суранихонго дзитэн (Новый лексикон славено-японский). Токио, 1985.
11. Ниппондзин то Росиаго. Росиаго-кёйку-но рэкиси (Японцы и русский язык. История преподавания русского языка). Токио: Изд-во Наука, 2000.

- 12.** Нихон дзиммэй дайджитэн (Большой словарь японских имен и фамилий) / Сост. УЭДА Масааки и др., Токио: изд-во Коданся, 2001.

На английском языке:

- 13.** Toropygina M.V. Descriptive Catalogue of Japanese Books in St.Petersburg University. A Catalogue of the Arisugawa Collection. Tokyo, 1998.

АРАКАВА Ёсико

**Семантические различия слов 愛 ай и 恋 кон
в концепте «любовь» в японском языке**

Концепт связан с содержанием субъективного ментального мира объекта исследования — человека. В последнее время концепт активно изучается [Д.С.Лихачев, В.В.Колесов, Ю.С.Степанов, Ю.Д.Апресян, А.Вежицкая и др.], хотя изучение скрытого содержания слова всегда было актуально [В.фон.Гумбольдт, А.А.Потебня, А.С.Аскольдов, С.Д.Кацнельсон и др.]. В докладе под концептом понимается многомерный смысловой центр, включающий в себя и определяющий собой феномен культуры, который непосредственно связан с языком. Концепт существует для каждого основного значения слова, он не непосредственно возникает из значения слова, а является «результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев Д.С. 1997. С.281].

Под концептом «любовь» понимается совокупность лексических единиц, выражающих проявление любовного чувства между мужчиной и женщиной, включающих в себя не только семантику «любовного» слова, но и определенное знание, ассоциации, переживания, которые выражаются данным словом и относятся к общенародному культурному знанию человека.

Цель доклада — выявить языковое выражение концепта «любовь» в японском языке. В японском языке доминируют существительные 愛 *ай* и 恋 *кои*, обозначающие любовное чувство между мужчиной и женщиной, и их однокоренные глаголы 愛する *айсуру*, 恋う *коу* и 恋する *коисуру*, прилагательное 恋しい *коисий*, а также не однокоренное прилагательное 愛しい *итосий*.

В японском языке слова 愛 *ай* и 恋 *кои* являются близкими по значению. Они оба являются многозначными и обозначают особенное чувство симпатии к противоположному полу. Различие семантики этих слов является тонким, но существенным, даже современным японцам трудно в нем разобраться, но различие это они всегда ощущают. В первую очередь, это объясняется историческими и этимологическими факторами.

Главным различием слов 愛 *ай* и 恋 *кои* является их происхождение. Слово 愛 *ай* является «канго 漢語», то есть оно заимствовано в японский язык из китайского вместе с буддизмом и конфуцианством. А слово *кои* 恋 является собственно японским словом — «яматокотоба 大和言葉». В буддизме 愛 *ай* считается одним из двенадцати грехов и воспринимается отрицательно. С точки зрения буддизма 愛 *ай* между мужчиной и женщиной является источником без конца увеличивающейся жажды чувства. 愛 *ай* между мужчиной и женщиной считается слепой страстью, и ее самым страшным видом является половой акт. Именно из-за этой отрицательной интерпретации конце эпохи Муромати 室町 (сере-

дине XVI в.), когда впервые официально началось распространение христианства в Японии, проповедники христианства не стали использовать слово 愛 ай. Вместо слова 愛 ай они приняли слово 大切 тайсэцу ‘дорожить, беречь, заботиться’. Слово 愛 ай в христианском понятии «любовь» начали использовать только в начале эпохи Мэйдзи 明治 (вторая половина XIX в.) [БЭМ. Т.1. С.3].

Таким образом, слово 愛 ай в современном японском языке имеет потенциальную противоположность. С одной стороны, слово 愛 ай обозначает христианскую высокую чистую любовь Бога и божественное чистое глубокое чувство, с другой, опасную любовь Востока, скрывающую источник ненависти и легкомысленное чувство, связанное с телесной жаждой.

В отличие от 愛 ай, слово 恋 кои является собственно японским словом «яматокотоба 大和言葉», и оно встречается в текстах древней японской литературы вака 和歌.

В результате анализа словарных статей двух словарей японского языка (БСЯЯ и Кодзиэн), выявляется различие семантики существительных 愛 ай и 恋 кои. Эти словари отличаются друг от друга по принципу толкования многозначного слова. В БСЯЯ значения располагаются в хронологическом порядке, начиная с самого старого, а в Кодзиэн — от современного более употребимого значения. Можно сказать, что значение существительного 愛 ай ‘любовь между мужчиной и женщиной’

возникло позже, однако в современном японском языке это значение достаточно часто употребляется и осознается.

Что касается слова 恋 *кои*, то обычно перечисляется в словарях не больше четырёх значений. Так же как и в слове 愛 *ай*, в существительном 恋 *кои* значение ‘любовь между мужчиной и женщиной’ является вторичным. В современном японском языке адресат (объект направления) чувства более ограничен, чем первичное значение — мужчина и женщина. Для значения слова 恋 *кои* отличительной чертой является сема ‘желание быть вместе’. В словаре иероглифов для иностранцев дается значение слова 恋 *кои* под иероглифом 恋 *рэн* ‘чувство между мужчиной и женщиной, чувство симпатии к кому-то и желания любить и *быть любимым*’ [СИИ. С.177]. На наш взгляд, это очень удачное объяснение. Чувство, названное 恋 *кои*, требует возврата (ответа), то есть желание быть вместе и быть любимым.

Любовь 愛 *ай* может проявляться ласкательным и бережным отношением к кому-то и чему-то или физической близостью (как *трогать*) и духовной (как *лелеять*). А в значении 恋 *кои* это отсутствует. Доминантой значений слова 恋 *кои* является ‘думать, *скучать*’, ‘желать быть вместе’. Также стоит отметить 恋は盲目 *кои ва мōмоку* ‘любовь заставляет терять разум’ [Кодзиэн. С.875]. Это свидетельствует о том, что в отличие от религиозного и философского понятия 愛 *ай*, 恋 *кои*

является более эмоциональным и не воспринимаемым разумом.

В докладе также представляются результаты анализа глаголов 愛する айсуру, 恋う коу и 恋する коисуру, прилагательных 恋しい коисий и 愛しい итосий.

Список использованной литературы

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общей ред. В.П.Нерознака. М., 1997.
2. БЭМ: Большая энциклопедия мира. В 35 т. Токио, 2000. 世界大百科事典。全35巻。東京、平凡社、2000年。
3. БСЯЯ: Большой словарь японского языка. 2-ое изд. Токио, 1975. 日本国語大辞典。第二版。東京、1975年。
4. Кодзиэн: Кодзиэн / Под ред. СИММУРА Идзуру. 5-ое изд. Токио, 1998. 広辞苑。新村出編。第五版。東京、1998年。
5. СИИ: Словарь иероглифов для иностранцев. 2-ое изд. Токио, 1978. 外国人のための漢字辞典。第二版。東京、1978年。

Булацев С.Х.

Социальная функция японских ГЭЙДŌ («путей искусства») в период Мэйдзи (1868-1912)

Санкт-Петербург, оправдывая именование его «культурной столицей» России, во многих аспектах остается авангардом культурного интереса к Стране Восходящего Солнца. Это относится, в частности, к практике занятий различными видами *гэйдо̄* («путей искусства»), традиционных японских искусств.

Японские искусства, несмотря на самобытность и уникальность, а может быть — благодаря им, распространяются за пределами Японии и становятся предметом занятий — любительских, а часто и профессиональных, — многих людей во многих странах мира. Прежде всего эта мировая популярность, дошедшая и до нашей страны, коснулась воинских искусств, таких как *дзюдо̄*¹, *каратэ*, *айкидо̄*², *кэндō* и др. Быстро стали известными

---

¹ Одним из первых пропагандистов дзюдо в России стал Василий Ощепков, учившийся у основателя современного *дзюдо̄* — КАНŌ Дзигорō. Вернувшись из Японии, В.Ощепков создал в 1914 г. во Владивостоке кружок, который просуществовал до 1920 г.

² В нашей стране регулярные занятия *айкидо̄* начали проводиться уже в советское время: первая в Ленинграде аттестация инструкторов по восточным единоборствам состоялась в марте 1988 г.; в 1989 г. были открыты первые специализированные клубы *айкидо̄*: в мае "Ленкай", в сентябре советско-датский клуб "Такемусу Айки". В январе 1989 г. была создана Федерация *Айкидо̄* Ленин-

и любимыми такие искусства, как аранжировка цветов *икэбана*³, выращивание карликовых деревьев *бонсай*, складывание бумажных фигур *оригами*, японские шашки *го*. Но в последнее время распространение, как во всем мире, так и в России, получают и более «экзотические», присущие, казалось бы, только японской культуре, виды искусства, такие как чайная церемония⁴, составление букетов запахов *кодō*, искусство быстрого выхватывания меча и нанесения удара *иайдō* и др. Вместе с самими искусствами в нашу страну приходит и традиция их преподавания, а это ставит перед преподающими и практикующими новую проблему: в какой мере можно и необходимо принимать японские традиционные формы преподавания, в особенности —

града и области, первая Федерация *айкидō* в СССР. В этом же году при Ленинградском Государственном Институте Физической культуры им. П.Ф.Лесгафта были организованы единственные на всю страну курсы инструкторов восточных единоборств (в т.ч. — и по *айкидō*). В настоящее время только в Санкт-Петербурге действуют 15 профессиональных клубов *Айкидō*, которые объединяют около 5000 человек.

³ Московский клуб «Икэбана» был учрежден в феврале 1968 г., а в июле 1968 г. нашу страну посетил ТЭСИГАХАРА Сōфу, основатель и глава школы Сōгэцу.

⁴ В Москве с 1989, в Екатеринбурге с 1993 г. проводятся практические занятия, читаются лекции. Московское отделение чайной школы *Ура-Сэнкэ* располагается в здании Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова. В 2005 г. две чайные комнаты, в которых также проходят чаепития в традиции школы *Ура-Сэнкэ*, появились и в Санкт-Петербурге.

имея в виду их социализационный (воспитательный) аспект.

Японские традиционные искусства, обозначенные термином *гэйдō*, рассматривается как единство эстетической деятельности и человеческого сообщества, осуществляющего эту деятельность. Синкретическое, недואльное восприятие такого рода характерно для дальневосточной ментальности вообще и для японской — в частности. Для нашего сообщения представляет интерес именно такое рассмотрение традиционных искусств, поскольку в этом случае мы имеем дело с искусством как с комплексной деятельностью, включающей в себя не только собственно творчество, но и обучение, а также — социализацию как обоюдную активность: сообщества, приспособляющего к себе индивида — с одной стороны, и индивида, адаптирующегося к сообществу, — с другой. Сложность такого подхода заключается как раз в том, что из этого единства трудно выделить и рассмотреть по отдельности каждую из составляющих, более корректно и продуктивно в этом случае говорить не о составляющих, а об аспектах этой деятельности.

Степень выраженности социальных функций *гэйдō* и их содержание были различны в различных исторических условиях.

Социализирующий (воспитательный) аспект деятельности *гэйдō* становится актуальным, начиная с периода *Токугава*. Особым вниманием *гэйдō* как инструмент социализации стал пользоваться в начале 80-х гг. XIX в.,

во время так называемого «поворота к национальной культуре».

Именно в это время слова, включающие иероглиф «*до*» (кит. *дао*, «путь»), такие как «*дзюдодо*», «*садодо*» (или «*тядодо*», чайная церемония), стали широко употребляться как официальные названия традиционных искусств. Причем, элемент «*до*», который может толковаться в контексте различных известных в Японии учений, использовался в этих названиях прежде всего в конфуцианском, т.е. — в этико-политическом, социально-воспитательном смысле.

Уже в 1872 г. *Гэнгэнсай* (1810-1877), бывший тогда главой (*иэмото*) крупнейшей школы чайного искусства *Ура-Сэнкэ*, направил префектуру Киото, еще недавней столицы, официальное послание «*Тядо-но гэнби*» («Из-начальный смысл Пути чая»). В том же году главы всех трех ведущих школ чайного дела — *Ура-Сэнкэ*, *Омотэ-Сэнкэ* и *Мусянокодзи-Сэнкэ* — отправили в управление префектуры Киото Петицию о сохранении Пути чая («*Тядо ходзон тиндзисё*»). В обоих документах утверждалось, что истинная задача чайной церемонии заключается в культивировании «преданности, верности и пяти постоянств» («*тёко годзё*»⁵), т.е. основных принципов конфуцианской морали. Благодаря стараниям жены *Гэн-*

---

⁵ Человеколюбия, гуманности (*дзин*, кит. *жэнь*); долга, справедливости (*ги*, кит. *и*); ритуала, правил поведения (*рэй*, кит. *ли*); искренности, сердечности (*син*, кит. *синь*); знания, мудрости (*ти*, кит. *чижи*).

гэнсая, Юкако (Синсэйин), обучение чайному действу было включено в программу средних школ для девочек как обязательный предмет.

Прошение о рассмотрении воинских искусств (будō, «воинских путей») — фехтования на мечах и рукопашного боя дзюдзюцу — для включения в обязательную программу средних школ также было подано в министерство образования Японии в 1884 г., но тогда эти искусства были признаны «несоответствующими». Основатель современного дзюдō КАНŌ Дзигорō (1860-1938) и другие известные деятели будō приложили немало усилий для того, чтобы в 1911 г. закон о средних школах (Тюгаккō рэй) был частично изменен, и искусство меча и дзюдзюцу стали обязательными предметами в средних школах. Аргументация Канō сводилась к тому, что разработанная им система, которая позже получила название дзюдō, с одной стороны основывается на традиционных духовных ценностях, прежде всего — конфуцианских и синтоистских; с другой — опирается на современные, рациональные представления о природе движения и борьбы. Эти аргументы вполне соответствовали актуальному для развития Японии периода Мэйдзи лозунгу «вакон ёсай» («отечественный дух — западная техника»).

Зенина Л.В.

Михаил Васильевич ВОРОБЬЕВ (1922-1995):

К десятилетию со дня кончины

Японская поговорка гласит: часы идут, время бежит, годы летят. Поистине, пролетели десять лет (5 октября 1995 г.), как ушел в мир иной наш коллега, ученый и педагог — выдающийся историк Дальнего Востока широкого профиля, в первую очередь блестящий японовед.

Михаил Васильевич, как и подобает подлинному ученому, был беззаветно предан науке, избранной еще в молодые годы специальности, жил без внешней суеты, скромно, не стремился к почестям и особым званиям, не отвлекался на постороннее и не сходил с избранного пути. Жизнь преподносила ему разные «сюрпризы». Но он упорно и целеустремленно занимался любимым делом: скрупулезно исследовал древнюю историю Японии, Кореи и смежных этносов. Он писал книги, учил студентов.

Жизненный путь М.В.Воробьева связан с Петроградом, Ленинградом, Санкт-Петербургом. Здесь он родился 21 апреля 1922 г., учился в 14-ой средней школе (1930-1940 гг.), затем в Ленинградском Государственном Университете (1945-1950 гг.), в аспирантуре (1950-1953 гг.) в ИИМК АН СССР, и в последующие годы с 1965 г. трудился в Ленинградском (Санкт-Петербургском) фили-

але института востоковедения Академии Наук СССР — РАН.

Исключением из отмеченного этими вехами прямого трудового пути являлись годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., а также полтора года (июнь 1963 — январь 1965 гг.) был безработным из-за неудобоваримости (читай: принципиальности — Л.З.) для начальства фигуры М.В.Воробьева.

Как всегда Публичка (надо отдать должное ее руководству) выручала и вместе с тем дальновидно приобретала высококвалифицированных специалистов (в свое время там работал и «опальный» Я.Б.Ратуль-Затуловский). М.В.Воробьев разбирал фонды Публичной библиотеки.

Возьму на себя смелость (настало время) сказать о том, что академик В.В.Струве («истинная совесть», как всегда называли В.В.Струве) отдал много сил и старания и при моей личной поддержке и рекомендации (ко мне, как уже тогда состоявшемуся японоведа восточного факультета ЛГУ, обратился Василий Васильевич) М.В.Воробьев по конкурсу в январе 1965 г. прошел в сектор Древнего Востока ЛО ИВ АН.

Научный путь М.В.Воробьева был весьма последователен. Еще в университетские годы (а учился он тогда на кафедре японской филологии, т.к. исторических кафедр тогда еще не было. Они были созданы в 1949 г.) М.Воробьев определил для себя сферу занятий историей Японии, а именно: с первого курса он стал изучать древний

период. Его дипломное сочинение (результат многолетних студенческих работ) было посвящено реформам Тайка: «Разложение первобытно-общинного строя и создание феодального государства в Японии. Реформы Тайка и их последующее развитие». Блестящая защита и самостоятельность исследования позволили факультету рекомендовать М.Воробьева в аспирантуру. Следует отметить, что уже в студенческие годы М.Воробьев выявил независимость научных суждений и твердо их отстаивал в последующем. А ведь переход Японии от первобытного общества к феодальному, минуя рабовладельческую формацию, и по сие время остается актуальной (дискуссионной) проблемой истории Японии. Об этом говорит высокая оценка его дипломной работы, данная академиком В.В.Струве: Работа «свидетельствует не только об умении выбрать наиболее важную и наименее изученную проблему, но и о стремлении и способности привлечь для ее разработки исчерпывающий материал и придти к своим собственным выводам»¹.

Вклад М.В.Воробьева в исследование истории, культуры, права и других аспектов стран Дальневосточного региона неограничен и он будет по достоинству рассмотрен в ближайшее время в нашей науке (имеется в виду издать небольшое описание жизни и научно-педагогической деятельности М.В.Воробьева под редакцией Л.В.Земининой).

---

¹ Личное дело М.В.Воробьева. СПбФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф.152, оп.3, ед.хр.972, л.10-13.

Даже краткое перечисление научных исследований М.В.Воробьева дает возможность сказать, сколь многое сделал этот ученый за одну не столь долгую жизнь. В 1965 г. академик В.В.Струве дал исчерпывающую характеристику качеств выдающегося ученого М.В.Воробьева. « [М. В. Воробьев в ИА] превратился в историка, которому доступен весь многосторонний комплекс исторических источников и материалов, а не только одни литературные источники... [он] является способным сложившимся специалистом по древней истории, истории культуры стран и народов Дальнего Востока и, прежде всего, Японии и Кореи, обладает солидной языковой базой (3 западно-европейских и 3 дальневосточных языка)»². Добавлю, что этими восточными языками были: японский, корейский и китайский.

Его первое научное исследование, защищенное в качестве кандидатской диссертации в 1953 г., на тему «Каменный век стран Японского моря» было опубликовано уже в расширенном варианте в 1958 г. «Древняя Япония». Это была первая на русском языке монография по археологии, древней истории Японии. Уже через три года в 1961 г. вышла его вторая монография: «Древняя Корея». История и культура этих стран на всю жизнь останутся предметом исследовательского интереса М.В.Воробьева. Уже в соавторстве со своей супругой — этно-

---

² Личное дело М.В.Воробьева. СПбФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф.152, оп.3, ед.хр.972, л.10-13.

графом Г.А.Соколовой они в 1976 г. выпускают «Очерк истории науки, техники и ремесла в Японии».

Важным этапом в научной деятельности явилась защита докторской диссертации 1 июля 1972 г. «Чжурчжэни и государство Цзинь», касающаяся широкого круга проблем истории, археологии, этногенеза социальной структуры чжурчжэньского общества (X в. — 1234 г.), его право и внешняя политика, а главное, обстоятельные главы по источниковедению и историографии. Диссертация вышла в виде отдельной монографии в 1975 г. Еще одна монография по чжурчжэням вышла в 1983 г. «Культура чжурчжэней и государство Цзинь (X в. — 1234 г.)». В 1994 г. вышла монография «Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия». Это одна из первых фундаментальных работ в мировой истории по древней и средневековой истории палеазиатских, тунгусо-маньчжурских и монгольских этносов.

Поражает общая работоспособность и невероятная плодотворность М.В.Воробьева. Еще в 1980 г. вышла монография о Японии «Япония в III—VII вв.».

Можно с уверенностью констатировать, что именно М.В.Воробьев одним из первых начал разрабатывать проблему становления и развития японского права. Результатом явилась монография «Японский кодекс Тайхō Ёрō рё (VIII в.) и право раннего средневековья» — 1990 г. Благодаря М.В.Воробьеву наука получила фундаментальные исследования по истории и культуре Кореи в древности и средние века. Это и «История Кореи в III—

VII вв.», «Корея до второй трети VII в.: Этнос, общество, культура и окружающий мир» 1997 г., и наконец, «Очерки культуры Кореи» — 2002 г. Десять монографий и свыше 150 статей — таков итог выполненных только одним человеком научных исследований. При этом М.В.Воробьев был деятельным преподавателем. Он постоянно читал лекции в ЛГУ, и даже выручал своих коллег, при необходимости заменяя их во время командировок последних за границу. (В течение 1974 г. он вел занятия на отделении истории Кореи вместо Л.В.Зениной, которая находилась в годичной командировке в Японии, за что ему отдельное спасибо и незабвенная память). На восточном факультете ЛГУ он читал следующие курсы: История Кореи (1974-1975 гг.), культура Японии (1974 г., 1981 г.), История культуры чжурчжэней (1975 г.), История средневековой Японии (1982 г.).

С уверенностью можно утверждать, что отечественное востоковедение в лице М.В.Воробьева приобрело уникального, неординарного ученого, единственного в своем роде заполнившего лакуну по истории древности и раннего средневековья Дальневосточного региона. В документах ЛО ИВ РАН имеется отзыв о работе М.В.Воробьева: «широкомыслящий историк с огромным научным диапазоном (история Монголии, Маньчжурии, Кореи, Китая и Японии в древности и в средние века)

и с глубоким интересом к разнообразным реалиям быта древних обществ»³.

Личность М.В.Воробьева, его общественная деятельность, склонность к принципиальным поступкам и поведению, развитое чувство справедливости во всем, особенно в соблюдении правил этикета и законности — особая тема.

---

³ Личное дело М. В. Воробьева СПбФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф.152. оп.3, ед.хр.979. Л.74.

Ибрахим И.С.

Просодические характеристики коммуникативного типа предложения в японском языке

В последнее время в лингвистических работах все чаще и чаще выражаются сожаления по поводу недостаточности исследований в области интонации японского языка. Согласно проводимым опросам иностранных студентов, изучающих японский язык, о том, какие вопросы японского языка наименее подробно представлены в учебниках японского языка для иностранцев, таковыми оказались ритмическая организация речи и интонация, которые, по мнению респондентов, чаще всего либо вообще не упоминаются в учебных пособиях, либо им уделяется недостаточно внимания [4, 6]. Действительно, и сами составители учебных пособий сетуют на то, что «практическое отсутствие материала относительно интонации является существенным недостатком большинства работ по японской фонетике» [5, xi].

Нельзя сказать, что специалисты по фонетике не интересуются просодическими явлениями вовсе, но интерес этот зачастую не идет дальше изучения тона и музыкального ударения. Только в последние 5-6 лет появились исследования, связанные с интонацией и осуществленные методами экспериментальной фонетики. Кроме того, до недавнего времени среди многих исследователей рассматривали интонацию как только движение мелодики, поэтому объектом исследования

было движение тона, задаваемое в последнем ударном слогe. Однако, в настоящей работе полученные материалы дают возможность рассмотреть такие функционально значимые акустические характеристики японской интонации, как: частота колебания основного тона (регистр, контур), силовые и темпоральные характеристики в пределах короткого речевого высказывания, синтаксически соответствующего простому распространенному предложению.

Данная работа посвящена результатам двух проведенных экспериментов, проведенных для выявления основных особенностей интонации для повествовательного и вопросительного предложения.

Целью первого эксперимента было:

1. описать разницу ИК вопросительных и повествовательных предложений на основе их анализа;
2. на сопоставлении двух типов вопросительных предложений выявить формы реализации интонацией функции показателя коммуникативного типа для каждого из них;
3. выявить, насколько изменяется ИК при включении в предложение лексического или грамматического компонента, несущего ту же функциональную нагрузку, что и ИК, — вопросительной частицы «ка».

Для анализа было отобрано 8 предложений: простых распространенных и нераспространенных. Это ско-

роговорки, которые используются для тренинга дикторов японских теле- и радиокompаний в качестве упражнений на правильную акцентуацию слов с одинаковым сегментным составом, но с разным ударением.

1. 庭には二羽鳥がいる。Niwa-ni wa niwa tori-ga iru. (В саду 2 птицы.)
2. 庭には鶏がいる。Niwa-ni wa niwatori-ga iru. (В саду петух.)
3. 丹羽庭には鳥がいる。Niwa niwa-ni tori-ga iru. (В саду Нива птица.)
4. 雨が降る日に飴を振る。Ame-ga furu hi-ni ame-wo furu. (Размахивать леденцом в дождливый день.)
5. 柄が欠けた絵が書けた。E-ga kaketa e-ga kaketa. (Написана картина без ручки.)
6. 父さんの銀行が倒産した。Tousan-no ginkou-ga tousan shita. (Папин банк обанкротился.)
7. 箸を持って橋を渡る。Hashi-wo motte hashi-wo wataru. (Переходить мост с палочками в руках.)
8. 和紙に鷲を書く。Washi-ni washi-wo kaku. (Рисовать орла на японской бумаге.)

Предложения были прочитаны дикторами-мужчинами, отобранными из числа японских стажеров Центра русского языка при СПбГУ, в возрасте от 22 до 28 лет

в утвердительном, вопросительном с вопросительной частицей «ка» и без нее варианте по 3 раза каждое и записаны на цифровой диктофон. Обработка звукового сигнала осуществлялась с помощью программы Voice-Toolkit и WaveSurfer. Сигнал был оцифрован с частотой квантования 20 кГц и представлен в виде 8-ми битной цифровой последовательности в диапазоне от -28 до +28. Поскольку в литературе нет данных, свидетельствующих о том, что функция выражения коммуникативного типа варьируется в зависимости от акцента, мы сочли возможным использовать дикторов-уроженцев не только Токио.

В результате анализа ИК предложений автор пришла к следующим выводам.

1. В японском языке повествовательное и вопросительное предложения различаются интонационным оформлением заключительной части высказывания. В случае, если интонация является единственным средством различения коммуникативных типов утверждение/вопрос, утверждение характеризуется нисходящим движением тона в последней фигуре, а вопрос — восходящим.
2. В японском языке одни и те же фигуры ИК для повествовательного и вопросительного предложения выполняют различные функции. Так, восходящая конфигурация основного тона последней моры характеризует и значение незавершенности в повест-

вовательном предложении, и коммуникативный тип в вопросительном.

3. При подобной нейтрализации кривой ЧОТ как дифферентора на помощь приходят такие компоненты интонации, как длительность и интенсивность, становясь в таком случае дифферентором.
4. Интонационное оформление вопроса в японском языке осуществляется тремя способами:

А. Когда интонация является единственным способом его выражения, дифферентором является мелодика, а характерной конфигурацией — ЧОТ, восходящая в последней мере.

Б. Когда интонация, взаимодействуя с другими лексическими или синтаксическими средствами языка, подчиняет их себе. Так в работе Гуревич приводятся примеры, когда при выражении коммуникативного типа высказывания интонация изменяет акцентный контур слов в конце предложения [1]. Эти случаи мы рассмотрели во втором эксперименте данной работы. Характерной конфигурацией ЧОТ является нисходяще-восходящая. Для подчинения себе других средств языка как дифференторы начинают функционировать длительность (темп) и интенсивность.

В. Когда интонация, взаимодействуя с другими языковыми средствами, уступает свои функции почти полностью. Мелодика как дифферентор нейтрал-

зуется, а в качестве дифференторов, взаимодействующих с другими средствами языка, на первый план выходят темп и интенсивность. Характерной конфигурацией ЧОТ является нисходящая.

5. В вариантах Б. и В. значения интенсивности не дают произойти смещению ИК повествовательных и вопросительных предложений, характеризуя последние моры большей амплитудой интенсивности.
6. Вопросительные предложения, где интонация не выступает как единственное средство выражения коммуникативного типа, характеризуются ускорением темпа по сравнению с теми случаями, когда интонация — единственное средство.

Целью второго эксперимента было:

1. выявить, как влияет ИК высказывания на акцентирование отдельных слов предложения;
2. выяснить, в каком коммуникативном типе предложения акцент отдельных слов наиболее подвержен изменениям;
3. выяснить, в какой позиции в предложении акцентная структура слова претерпевает наибольшие изменения.

Для эксперимента было отобрано 43 слова, каждые 2 или 3 из которых имели одинаковый сегментный состав, но различную акцентную структуру. Сначала они были зачитаны списком двумя дикторами, носите-

ями стандартного японского языка: мужчиной и женщиной, уроженцами г. Токио. Затем те же дикторы зачитали 14 предложений с использованием всех этих слов в различных позициях в предложении и с разной интонацией: утвердительной, вопросительной в вариантах с вопросительной частицей и без нее. В качестве материала были использованы скороговорки из тех же упражнений для дикторов, что и в предыдущем эксперименте.

1. 秋がきたからか飽がきたからか、あのアパートには空きがある。
Aki-ga kita kara ka aki ga kita kara ka kono apa:to-ni wa aki ga aru. (То ли потому что пришла осень, то ли нужды больше, в квартире пусто.)
2. 雨が降る日に飴を振る。Ame-ga furu hi-ni ame-wo furu.
(Размахивать леденцом в дождливый день.)
3. 柄が欠けた絵が書けた。E-ga kaketa e-ga kaketa. (Написана картина без ручки.)
4. 父さんの銀行が倒産した。Tousan-no ginkou-ga tousan shita. (Папин банк обанкротился.)
5. 箸を持って橋を渡る。Hashi-wo motte hashi-wo wataru.
(Переходить мост с палочками в руках.)
6. 和紙に鷺を書く。Washi-ni washi-wo kaku. (Рисовать орла на японской бумаге.)
7. 買った亀を瓶に入れて飼った。Katta kame-wo kame-ni irete katta. (Купленную черепаху держали в вазе.)

8. 垣にかけた柿、殻の欠けたカキ。Kaki-ni kaketa kaki, kara-no kaketa kaki. (Хурма, висящая на заборе, устрица без раковины.)
9. 烏が木をからすので、木になる実が気になる。Karasu-ga ki-wo karasu node ki-ni naru mi-ga ki-ni naru. (Ворона сушит дерево, поэтому я беспокоюсь о плодах, которые станут деревом.)
10. 隅に積んだ炭から錫で作った鈴が出た。Sumi-ni tsunda sumi-kara suzu-de tsukutta suzu-ga deta. (Из сложенного в углу угля звенит оловянный колокольчик.)
11. 旅に出るときは足袋を履いて当時はよく湯治にでかけた。Tabi-ni deru toki wa tabi-wo haite touji wa yoku touji-ni dekaketa. (Отправляясь в дорогу, надевал таби, в то время часто ездил на горный курорт.)
12. 虹が出たのはちょうど二時、庭には二羽の濡れすずめ。Niji-ga deta no wa choudo niiji, niwa-ni wa niwa-no nuresuzume. (Радуга показалась ровно в 2, в саду 2 мокрых воробья.)
13. 根がついた花に値がついたので寝に行った。Ne-ga tsuita hana-ni ne-ga tsuita node ne-ni itta. (К цветку с корнем прикрепленна цена, поэтому я пошел спать.)
14. 火にあたるより日にあたれ。Hi-ni ataru yori hi-ni atare. (Грейся не у огня, а на солнце.)

Из записанных предложений были вырезаны целевые слова вместе с падежными показателями, им были

присвоены порядковые номера, в зависимости от того, какую позицию в предложении они занимали, а затем была смонтирована запись, на которой эти слова чередовались со словами, зачитанными списком, в произвольном порядке. В результате получилась запись, содержащая в сумме 113 слов в чтении диктора мужчины и 108 слов в чтении диктора-женщины. Запись была предъявлена для прослушивания и распознавания 10 аудиторам-носителям стандартного японского языка. От auditors требовалась не только написать услышанное слово, но и обозначить акцент.

В результате обработки полученных анкет и анализа данных автор пришел к следующим выводам.

1. При подчинении интонацией акцента она берет на себя его смысловозначительную функцию, подчиняя акцентный контур слов целям коммуникации.
2. Данные эксперимента свидетельствуют о том, что наибольшему влиянию интонации подвержены слова в вопросительном предложении, где интонация является единственным средством выражения коммуникативного типа.
3. Данные эксперимента подтверждают, что в повествовательном предложении влияние интонации происходит по нисходяще-восходящей динамике: наибольшему влиянию подвергаются слова в начале и в конце предложения.

4. Отмечено, что ускорение темпа речи к середине высказывания ведет к не только смещению акцентных характеристик слов, но и к изменениям в их сегментном составе.
5. В вопросительном предложении интонация влияет на акцентные контуры слов всего предложения, постепенно усиливая влияние к концу: акценты начальных слов «оттянуть» к началу, а акценты заключительных слов высказывания смещены к предпоследней слове.
6. В предложениях, где интонация взаимодействует с другими языковыми средствами, ее влияние на акцентные контуры слов слабеет, но полностью не исчезает.

Некоторые результаты, полученные в ходе данной работы, перекликаются с результатами исследований, проводимых в отношении других языков, в частности, с данными, приводимыми в работе Николаевой [3], что наводит на мысль об их универсальном характере. С другой стороны, анализ выявил и наличие особенностей просодической системы именно японского языка, связанных с музыкальным акцентированием и особенностями фразового ударения. Таким образом, все изложенное является предпосылкой проведения дальнейшего исследования фразовой интонации в японском языке и разграничении ее универсальных и присущих только японскому языку характеристик.

Использованная литература:

1. Гуревич Т.М. К вопросу о просодических явлениях в японском языке (экспериментальное исследование), Москва, 1975.
2. Николаева Т.М. Функциональный синтаксис и семантика. Интонология. Диохроническое языкознание. Обращение к фразовой просодии: параллели и расхождение. В сб. Актуальные вопросы интонации, Москва, 1984.
3. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. Москва, 1985.
4. Shigi T. Nihongo onsei kyouiku-no saikentou-to shian // Nihongo onsei-to kyouiku nihongo onsei kenkyuu seika kankousho. Osaka, 1993.
5. Wenck G. The phonemics of Japanese. Questions and attempts. Weisbaden, Harrasowitz, 1966.

Климов В.Ю.

История изучения в России религиозного движения *иккō-икки*

Интерес к этой теме у российских и советских исследователей был, можно сказать, с момента возникновения отечественного японоведения немалый. В.Костылев, выпустивший в 1888 г. фундаментальный труд под кратким для того времени названием «Очерк истории Японии», рассматривая историю борьбы за власть в позднее средневековье, писал об «осакских бонзах, бонзах секты *Монто*», мешавших ОДА *Нобунага* установить свою власть во всей стране, вступив в союз с крупными светскими феодалами. Костылев указывал на роль императора, который «обратился к бонзам, с приказанием покориться *Нобунага*. Это, вместе с потерей союзников, заставило *Осакских бонз* покориться, они сдали *Нобунага* свои последние твердыни, несмотря на протесты и сожаления некоторых из своих членов»¹. В работах советских историков этот момент не затрагивался, и тем самым отношения иерархов буддистской школы с представителями центральных властей не получили должного последующего изучения. Не ставя перед собой задачи подробного освещения движения *иккō-икки* (кстати, и не пользуясь этим термином), автор,

---

¹ Костылев В. Очерк истории Японии. С.-Петербург, 1888. С.254.

тем не менее, сумел точно расставить акценты и избежать досадных неточностей², которые были допущены отечественными японоведами в конце XX в. Вместе с тем одно из ошибочных названий школы «монтосю», по-видимому, берет свое начало именно с труда В.Костылева. Официальное название «Школа Истинной Веры Чистой Земли» (*дзэдо синсю*), или же сокращенное «Школа Истинной Веры» (*синсю*). Представители же других школ называли это направление буддизма за нетерпимость и исключительную направленность всех помыслов верующих только к Будде Амида *иккёсю*, подчеркивая отрицательное отношение к ним таким образом. По этой причине Рэннэ, восьмой иерарх школы, категорично возражал против данного названия. Поэтому выступления последователей этой школы, которые, кстати, назывались *монто* (поэтому и некорректно называть *монтосю* — *школа последователей*) известны как *иккё-икки*. Вызывает восхищение проработанность материала. В.Костылев упоминал бонз храма Хонгандзи, находившегося в Осака, только в контексте междоусобной борьбы за власть. Социально-экономическая история вообще не затрагивалась. Основная задача, видимо, была дать целостное представление о развитии японского общества через политическую исто-

² В статье, посвященной движению *иккё-икки*, авторы «Популярной иллюстрированной энциклопедии Японии от А до Я» причисляют храм Энрякудзи на горе Хиэйдзан, относящийся к школе *тэндай*, к «оплоту секты Иккё», чего никогда не было (Япония от А до Я — популярная иллюстрированная энциклопедия. М., 2000. С.161).

рию с древности до времени написания книги, которая удовлетворяет всем жестким требованиям к научным публикациям, несмотря на скромную самооценку автора: «Настоящий очерк поверхностен и не удовлетворяет многим требованиям. Виной этого самый характер источников...»³.

Н.А.Иофан в 1963 г. опубликовала статью, посвященную феодальным войнам и народным движениям в Японии в позднее средневековье⁴. Впервые приводятся «Десять статей *Хонгандзи*»⁵, на которые ссылаются позже все отечественные исследователи⁶. К сожалению, здесь закралась ошибка, которую повторяли остальные отечественные японоведы. В частности, Иофан со ссылкой на Касахара Кадзуо пишет: «Целый ряд выступлений икко икки проходил под лозунгом "В стране не должно быть больше сюго и дзито!" Это требование было, в частности, зафиксировано в статье 3 "Десять статей *Хонгандзи*".

---

³ Костылев В. Очерк истории Японии. С.-Петербург, 1888. С.1. Непосредственно к рассматриваемой теме имеет отношение изложение истории Японии на страницах 228-271.

⁴ Иофан Н.А. Феодальные войны и народные движения в Японии в середине XVI в. — Краткие сообщения института Народов Азии. 64. История стран Дальнего Востока. М., 1963.

⁵ Иофан Н.А. Там же. С. 104.

⁶ Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984. С.360. Искендеров назвал этот документ "своего рода программой восстаний, проходивших под религиозными лозунгами секты Иккō», — и считал, что «Десять статей *Хонгандзи*» «достаточно полно выражали требования крестьян, во всяком случае, на первом этапе борьбы».

Отражая политические претензии секты *иккō*, оно содействовало ее популярности среди крестьян⁷. Настоящее утверждение не находит подтверждения в письменных источниках. Более того, смысл третьей статьи прямо противоположен: «Пребывая в провинции, ни в коем случае нельзя проявлять неуважения к *сюго* и *дзитō*»⁸ (国ニアリテハ守護・地頭方ニヨイテハ、サラニ如在アルベカラザルヨシノ事). То есть, в своей провинции ты должен уважать светские власти. Нет здесь призыва к свержению светских феодалов, но зато есть полное непонимание текста.

Важный этап в изучении движения *иккō-икки* знаменует выход монографии А.А.Искендерова, посвященной *ТОЁТОМИ Хидэёси*⁹. В тринадцатой главе он рассматривает народные движения. Отмечается главная отличительная черта: они происходили «одновременно и в тесной связи с феодальными войнами», что не могло отразиться на формах и методах борьбы народных масс¹⁰. Плодотворным представляется замечание, что религиозная окраска скрывала немало противоречий, что некоторые японские исследователи, «сосредоточи-

---

⁷ Иофан Н.А. Феодальные войны и народные движения в Японии в середине XVI в. — Краткие сообщения института Народов Азии. 64. История стран Дальнего Востока. М., 1963. С.104.

⁸ Офуми. — Нихон сисō тайкэй 17. Рэннэ. Иккō-икки. Токио, 1972. С.70.

⁹ Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984.

¹⁰ Там же, с. 343.

вая все свое внимание на анализе борьбы крестьян, почти полностью абстрагируются от ее формы, что нередко ведет к преувеличению социально-классовой направленности крестьянского движения»¹¹. К сожалению, широкие теоретические выкладки не подкреплены доказательной базой, построенной на письменных источниках. По этой причине возникают неточности от датировок событий¹² до неподтвержденных письменными свидетельствами утверждениями: высшее духовенство «секты Икко..., судя по всему, претендовало даже на обладание всей полнотой политической власти в стране» и призывало крестьян выступить против *сюго* и *дзито*¹³. Ни *Рэннэ*, ни последующие иерархи школы *Истинной Веры Чистой Земли*, насколько известно автору настоящей статьи, никогда не выступали с подобными заявле-

---

¹¹ Там же, с. 343-344.

¹² Обычно японские историки указывая даты тех или иных событий, берут их зачастую из письменных памятников, не переводя на современный европейский календарь месяц и день, указывая только год. К примеру, приведем наиболее распространенную ошибку европейских исследователей: восстание в провинции *Ямасиро* произошло 11 декабря 1485 г., в то время как на самом деле *Дзинсон*, настоятель храма *Дайдзёин*, в хрониках поставил дату 17-й год эры *Буммэй* 12-я луна 11-й день. Японские историки обычно переводят только год на григорианский календарь — в данном случае 1485 г. Но на самом деле при более точном переводе мы получим дату 16 января 1486 г. Это получилось потому, что последний месяц лунно-солнечного календаря не совпал с солнечным нынешним календарем.

¹³ Там же, с. 359.

ниями. Напротив, *Рэннэ* в своих посланиях к верующим призывал к послушанию светским властям, о чем будет говориться позже. И опять же здесь у А.А.Искендерова фигурируют «Десять статей *Хонгандзи*», которые служили своего рода программой восстаний, проходивших под религиозными лозунгами секты Икко»¹⁴. Никак не могли служить эти правила, изложенные в десяти параграфах Высокомудрым *Рэннэ* в послании к верующим от 7-го года эры *Буммэй* 5-й луны 7-го дня «программой восстаний», хотя бы потому, что он призывал последователей к сдержанности и повиновению властям. Поскольку в отечественной литературе очень часто упоминают эти так называемые «Десять статей *Хонгандзи*», хотя они были написаны в храме *Ёсидзаки гобō* в провинции *Этидзэн*, а не в храме *Хонгандзи*, то для снятия этого досадного недоразумения необходимо привести полный текст этого документа.

«Итак, с первой декады 5-й луны¹⁵ после того, как я уже покинул *Минами бэссэ* в [селении] *Оцу Тикамацу*, уезд *Сига*, провинция *Гōсью*¹⁶, как-то по наи-

¹⁴ Искендеров А.А. Указ. соч., с.360.

¹⁵ В тексте 5-я луна передана биномом «*тjōка* 仲夏» — первое значение «*середина лета*». Здесь же используется во втором значении: *пятая луна* по лунно-солнечному календарю.

¹⁶ *Гōсью* 江州 — другое название провинции *Ōми* 近江 (江州志賀郡 大津近松ノ南別所).

тию¹⁷ обосновался на горе Ёсидзаки, всецело посвятил себя распространению Закона Будды и выражению признательной благодарности Будде. В частности, и священнослужителей, и мирян, и мужчин, и женщин, по нерадивости не укрепившихся в вере — всех и повсюду обучал успокоенному сознанию Чужой Силы Основного Обета [Будды Амиды] с надеждой, что [они] родятся [после смерти] в настоящей Обещанной Земле. Однако за эти четыре — пять лет не прекращалась в этой провинции междоусобная война¹⁸; к тому же воины провинции Касю¹⁹ то и дело возводили на наш храм²⁰ напраслину; дни и ночи напролет на протяжении этих четырех-пяти лет был озабочен только принятием [ответных] мер. А ведь наш храм основан только для того, чтобы достичь рождения [после смерти], и совершать ради этого практику возгласения Его Имени (нэмбуцу 念仏). Из-за какого такого греха воины провинции Касю необоснованно начали подготовку к нападению на наш храм. Поскольку это совершенно

---

¹⁷ Рэннё отнюдь не “по наитию” выбрал место в Ёсидзаки. Была проделана большая предварительная работа.

¹⁸ Во время смуты годов Ќнин (1467—1477) дома Тогаси 富樫, под чьим управлением находилась провинция Кага, раскололся на две враждующие группировки, во главе которых стояли братья Масатика 正親 и Котии 幸千代. В конце концов победил ТОГАСИ Масатика, привлекая на свою сторону верующих школы Истинной Веры Чистой Земли (дзёдо синсю).

¹⁹ Касю 加州 — одно из названий провинции Кага 加賀.

²⁰ В тексте значится слово гора (яма 山) как синоним слова храм.

несправедливо, то обитатели [Ёсидзаки], объединившись, на протяжении всех этих трех-четырёх лет только и делали, что готовились к отражению нападения. Но это совершенно не отвечает основной сути Закона Будды. Из-за этого день за днем, ночь за ночью все больше тяготились жизнью в нашем храме. В конце концов, отныне я озабочен только одним желанием — возносить возглашение (*нэмбуцу*). И по этой причине определяю для последователей [нашей школы] правила²¹ в десяти статьях. И отныне твердо им следуя, отдаваться полностью практике *нэмбуцу*.

- [1.] Нельзя пренебрежительно относиться к сонму [синтоистских] богов и множеству Будд и бодхисаттв.
- [2.] В миру всецело подчиняться Закону Государя, а внутренне следовать Закону Будды.
- [3.] Пребывая в провинции, совершенно недопустимо пренебрежительно относиться к военному губернатору (*сюго*) и поместному чиновнику (*дзитō*).
- [4.] Как только глубоко познаешь суть успокоенного сознания нашего направления буддизма, так сразу же обеспечишь себе рождение в Обещанной Земле.

---

²¹ Словом *правила* переведен здесь иероглифический бином *хэм-моку* 篇目, является синонимом более распространенного в середине века слова *окитэ* 掟. Оно фигурирует в этом послании, но написано в тексте катаканой *окиテ*, а не иероглифом.

- [5.] Раз уж определился в вере, то постоянно в благодарность Будде [Амида] за это, должен возносить Его Имя.
- [6.] Те, кто овладел верой в Чужую Силу, должен все-непременно и других людей привести к этой вере.
- [7.] Бонзы, обязательно сами, укрепившись в успокоенном сознании, также должны с предупредительной любезностью последователей во всех местах привести к вере.
- [8.] Нельзя по своему разумению использовать определения и термины, которые не употребляются в нашем направлении буддизма, так как это исказит Учение Закона.
- [9.] Решительно должны положить конец, пусть даже и очень правильным, но занудно-докучливым поучениям о Законе Будды.
- [10.] Относя себя к верующим нашего направления, непозволительно намеренно демонстрировать другим людям свою принадлежность к нему и выставлять в неприглядном свете нашу школу.

Отныне должны твердо соблюдать вышеуказанные правила из десяти статей. Прежде всего, самое важное в нашем направлении буддизма — это просто утвердиться всей душой в успокоенном сознании Чужой Силы, а также усердно укреплять в вере последователей. В дальнейшем ставьте во главе всего Закон Государя, не выказывайте на поверхности Закон Будды. А в миру следует положить в основу человеколюбие и справедливость и не показывать пренебрежительного отно-

шения к другим буддистским школам. В последующем не проявляйте небрежения к синтоистским Пресветлым богам. Когда говорим о воздержании к нечистому, то это касается внутреннего дела Закона Будды, но при общении с Господином (*кубō* 公方) и посторонними людьми ни в коем случае нельзя внешне выдавать это своим поведением. Иными словами, это является правилом, установленным нашей школой. И, тем не менее, как только вняв проповедям об Основном Обете, единым помыслом обретешь веру в Чужую Силу, и сразу же предопределится твое рождение [в Чистой Земле], и если в этот момент жизнь закончится, то как есть родишься в Обещанной Земле. Ну а если жизнь продлится, то, естественно, в благодарность за милость Будды произнесешь неисчислимое множество раз Его Имя. Должен принять это во внимание. Да пусть будет так, как определено настоящими правилами.

Буммэй 7-й год, 5-я луна, 7-й день».

Досадные неточности, а порой, и грубые ошибки были вызваны недостаточной изученностью у нас истории буддизма на японских островах. В русском японоведении до революции можно назвать только одного исследователя, профессионально занимавшимся проблемами японского буддизма и учения различных школ, — О.О.Розенберга²². Изучение распространения япон-

---

²² Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918; О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. Пг., 1919.

ского буддизма было начато в 30-х годах Н.И.Конрадом²³ и продолжено М.В.Воробьевым²⁴, Е.М.Жуковым²⁵ и Х.Т.Эйдусом²⁶. Буддизм ими рассматривался как важная идеологическая составляющая сильного централизованного государства. Крайне плодотворной при изучении движения *иккō-икки* представляется мысль, высказанная Н.И.Конрадом: «Хонэн и Синран освободили буддизм от государственной власти, сделали веру самостоятельной силой общественной жизни; перенесли религию в народную массу, то есть создали для нее прочную общественную почву, а в связи с этим превратили ее в настоящую общественную силу»²⁷. И от себя можно добавить, что эта общественная сила при определенно сложившейся ситуации во второй половине XV в. вызвала к жизни народные движения под религиозной оболочкой.

---

²³ Конрад Н.И. Древняя история Японии (Конрад Н.И. Избранные труды. История. М., 1974); Литература VIII—XIII вв. (Конрад Н.И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974).

²⁴ Воробьев М.В. Япония в III—VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.

²⁵ Жуков Е.М. История Японии. М., 1939.

²⁶ Эйдус Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968.

²⁷ Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии VII—XVI века. М., 1980. С.95.

Кудоярова Т.Н.

Вакамоного — язык современной японской молодёжи:
словообразовательные способы и особенности

В докладе предлагается описание словообразовательных способов в современном японском языке на примере создания новых слов в речи японской молодёжи. Актуальность данного исследования заключалась в том, что в сфере 若者語 *вакамоного* особенно активно образуются новые слова. Более того, мы можем наблюдать множество самых разнообразных и оригинальных словообразовательных способов, широко представленных в этом пласте лексики японского языка. Поэтому такое явление, как язык молодежи, не может быть оставлено без внимания при изучении образования новых лексических единиц в современном японском языке.

На русском языке практически нет материалов, посвящённых языку японской молодёжи. В Японии же издано большое количество словарей 若者語 *вакамоного*; в своих монографиях этого вопроса касались японские лингвисты Камэи Х., Ёнкава А., Кубодзоно Х.

«Молодые люди часто говорят бессмысленными непонятными словами» — такую фразу часто можно услышать в Японии от людей старшего поколения. Японский аналитик-исследователь новых слов Камэи Х. одной из причин критики видит желание на самом деле лучше

понять молодёжь: «Взрослые, стремясь узнать, какое оно, новое поколение, приближаются, хотят проникнуть в его мир, но на пороге их останавливает мысль о том, что этот мир может их не принять. А если не примут, то и с их стороны незамедлительно последует ответная реакция — отторжение» [4, с.3]. Есть и те, кто считает, что молодёжь действительно портит японский язык. Но так ли это на самом деле?

Представим, что это невозможно, и рассмотрим действительную сущность такого явления, как «молодёжный язык».

Для начала поясним употребление терминов, которыми в японской лингвистике обозначаются язык молодёжи. Чаще всего встречаются два варианта: 若者の言葉 *вакамоно-но котоба* и 若者語 *вакамоного*, которые на самом деле обозначают не одно и то же. Первое сочетание называет лишь речь молодёжи в противоположность речи людей других возрастных групп. Термину 若者語 *вакамоного* учёный Ёнэкава А. предлагает следующее определение: «若者語 — это особое отдельное слово или словосочетание, назначением которого является игра и освобождение от каких-либо критериев и эталонов и которое использует в своей речи молодёжь в возрасте примерно от 12 до 30 лет при общении в кругу друзей для поддержания разговора, развлечения, придания солидности, утаивания информации» [7, с.240].

Приводится достаточно широкий возрастной диапазон, следовательно, выделимы несколько подгрупп. В

работах [4] и [7] авторы приводят классификации, где выделяют несколько групп говорящих. На наш взгляд, эти две классификации можно объединить, дополнив классификацией, приведённой Ёнэкава А. в его более ранней работе, посвящённой языку довоенной лексики школьников [6]. В итоге получаем следующее:

1. 女子中高生の使う言葉・ギャル言葉 (*дзёси тьōкōсэй-но цукау котоба / гяру котоба*) — речь девочек-учениц средней и старшей школы;
2. キャンパス言葉・学生語 (*кямпасу котоба / гакусэйго*) — речь учащихся;
3. 男性社会の言葉: 若い男性社会人の言葉 (*дансэй сякай-но котоба: вакай дансэй сякайдзин-но котоба*) — мужская речь;
4. OL・主婦の使う言葉 (OL / *сюфу-но цукау котоба*) — речь домохозяйек и женщин-служащих компаний.

Поясним некоторые термины. キャンパス言葉 *кямпасу котоба* и 学生語 *гакусэйго* стоят на одной ступени в классификации, но на самом деле существует некоторое различие в их употреблении. キャンパス言葉 *кямпасу котоба* — это слова, которые можно услышать непосредственно в учебном заведении キャンパス *кямпасу* и которые учащиеся употребляют непосредственно в разговоре о школе. Термин 学生語 *гакусэйго* используется в более широком значении, включает в себя как *кямпасу котоба*, так и слова, не относящиеся к школе. Понять различие в применении

этих двух терминов позволяет, на наш взгляд, и употребление 語 *го* и 言葉 *котоба* в их составе. *Котоба* 言葉, помимо значения «язык, слово», передаваемого и 語 *го*, имеет и более узкое значение «термин, выражение, диалект». Следовательно, キャンパス言葉 *кямпасу котоба* может мыслиться как частный случай 学生語 *гакусэйго*. キャンパス言葉 *кямпасу котоба*, будучи частным проявлением 学生語 *гакусэйго* и употребляясь непосредственно в учебном заведении, различаются в зависимости от школы. Издаются даже словари キャンパス言葉 *кямпасу котоба* разных университетов, например:

1. 「天理大学キャンパス言葉」(«Лексика студентов университета Тэнри»), 1995;
2. 「富山国際大学キャンパス言葉辞典」(«Лексика студентов Международного университета Фукуяма»), 1996;
3. 「若者ことば辞典」(«Словарь языка молодёжи»), 1997;
4. 「早稲田大学キャンパス言葉辞典」(«Словарь лексики студентов Университета Васэда»), 1997.

«OL 言葉» (*OL котоба*) — это особые слова, которые в своей речи используют в разговоре друг с другом молодые девушки-служащие компаний, причём такие слова различаются в зависимости от учреждения и его специализации.

Ниже мы перечислим основные особенности речи молодёжи. В докладе нами также будут рассмотрены

некоторые словообразовательные способы, по которым наиболее часто создаются новые лексемы данного пласта японского языка, например, заимствование, сокращение, пародия и другие.

Для молодёжной лексики характерно:

1) Употребление слов «между своими».

Имеется в виду разделение окружающих по принципу «свой-чужой» и вытекающее отсюда стремление использовать между «своими» слов, не понятных «чужим». Вероятно, эта тенденция в речи молодёжи возникла под влиянием выработавшихся веками правил в общении между людьми: «Японцы проявляют очень большую избирательность в отношении собеседника, для них важна группа, к которой тот принадлежит» [3, с.255]. По словам В.М.Алпатова, «признак ‘свой-чужой’ в целом... оказывается даже более значимым, чем признак ‘высший—низший’» при выборе вежливо-разговорного, адресивного стиля речи. «В современной Японии существует явная тенденция употреблять вежливые формы с суффиксом — *мас-* и аналогичные им по отношению к любым чужим» [1, с.59], таким образом устанавливается социальная дистанция. Далее, представитель одного диалекта в разговоре с человеком, говорящем на другом диалекте, перейдёт со своего диалекта на 標準語 *хё́дзю́нго* — «стандартный язык».

Отказ говорить с «чужими» на языке «своих» — причина, по которой происходит выбор стиля речи и лексики, — определяет и стремление молодёжи исполь-

зовать особые слова в разговоре со «своими». Однако помимо сформировавшегося разграничения, дистанцирования на языковом уровне, которое проявляется «интуитивно, бессознательно и мгновенно» [1, стр.58], можем говорить и о намеренном использовании в своей речи слов, непонятных постороннему. В этом случае 若者語 *вакамоного* сближаются по своей функции с арготизмами 職場語 *сёкубаго*, 職業語 *сёкугёго*, 業界語 *гёкайго*.

2) Использование для поддержания разговора.

Об этой особенности мы уже упоминали выше, цитируя слова Ёнэкава А. о 若者語 *вакамоного*. Особые слова, появляясь в разговоре между молодыми людьми, способствуют возникновению чувства единства, помогают передать какой-либо образ, содержат элемент игры, оригинальности, что поддерживает диалог.

3) Свобода от норм и правил.

Считается, что молодёжь особенно стремится отстаивать свою свободу от прежних норм. Одна из форм проявления такого стремления — свободное обращение, «игра» с языком, создание новых слов, употребление старых слов в новом значении. Отмечается, например, что учащиеся, знающие значительное количество キャンパス言葉 *кямпасу котоба*, отличаются большей активностью и стремлением к соперничеству. Они меньше боятся чего-либо, реже ощущают себя одинокими. Им свойственны такие качества, как коммуникабельность, решительность, инициатива, умение быть лидером и

руководителем, способность самораскрываться, гибкость. Более того, те, кто знает много キャンパス言葉 *кямпасу котоба*, больше проявляют интерес к моде, стремятся преодолеть какие-то границы, не являются приверженцами традиций.

Можно выделить несколько функций 若者語 *вакамоного*:

1) Развлечение.

Эта функция заключается в игре со словами, в стремлении вызвать улыбку у слушателя. В зависимости от слова и ситуации особое значение может придаваться или непосредственно созданию новой лексической единицы, или её употреблению. В первом случае языковая игра заключается именно в самом процессе словотворчества, причём иногда слово может быть создано в момент разговора и не становится словарной единицей. Во втором случае особое значение уделяется уже не столько словообразовательному процессу, сколько употреблению слова.

2) Поддержание разговора.

Эта функция является, вероятно, наиболее важной для языка молодёжи, стремящегося к оригинальности. Примером могут служить сокращения: ケンチキ *кэнтики*, ケンタ *кэнта*, ケンタのフライチン *кэнта-но фураитин* (от ケンタツキーフライドチキン *кэнтаккī фураидо тикин*), チョベリバ *тёбэриба* (от 超 *tē* + very bad) [10, с.225, 377].

3) Солидарность.

При помощи употребляемых 若者語 *вакамоного* адресату передаётся чувство единства, солидарности, близости друг другу, у собеседника усиливается таким образом ощущение себя «своим» в определённой группе людей. Например, звучащие совершенно неформально *ありごぎ аригодза* от *ありがとうございます аригато годзаимасу*, *さいなら саинара* от *さようなら саёнара* [10, с.33, 250].

4) Передача образа.

Для поддержания оригинальности и живости диалога молодёжь часто использует в речи слова и выражения, являющиеся скорее образо- или звукоподражательными. При этом исчезает необходимость длительного многословного объяснения, сдерживающего разговор, нужный образ моментально возникает в сознании у слушающего. Например, вместо «*お手上げ отэагэ*» («Сдаюсь!») могут употребить «*グリコ гурико*»; у собеседника возникает ассоциация с известным рекламным щитом в Осаке, изображающим человека с поднятыми руками [10, стр.207]. Или при употреблении говорящим глагола *ジコマる дзикомару* со значением «вести себя непристойно» слушающий вспоминает героя французского мультфильма, *ジコマ Дзикома*, от имени которого было образовано *ジコマる дзикомару* присоединением глаголообразующего суффикса *-る -ру*.

5) Соккрытие предмета коммуникации.

Заменяя обычное слово другим, передают информацию так, чтобы она не была понята кем-то из «посторонних». Наиболее представительными в данной группе являются выражения, используемые вместо トイレに行く *тоирэ-ни ику*: ワシントン・クラブ *Васинтон курабу*, 横浜に行く *Ёкохама-ни ику*, レコーディング *рэкоддингу*, 西海岸 *нисикайган* [10, с.677].

6) Смягчение.

Эта функция 若者語 *вакамоного* состоит в подборе особых слов с целью смягчить оказываемое на собеседника впечатление. Особенно часто данная функция проявляется при выражении оценки, критики человека.

7) Эмоциональная разрядка.

Данную функцию можно, на наш взгляд, считать сближающей и одновременно противостоящей предыдущей. Здесь речь идёт также о словах, используемых для критики человека, но говорятся они не в его присутствии, а в кругу друзей. Говорящий, используя также, как и в предыдущем случае, какое-либо иносказание, наоборот, обнаруживает свои неприятные ощущения, даёт им выход. Происходит своеобразная эмоциональная разрядка. Примером может послужить слово お花 (さん) *о-хана(сан)* [10, с.132]: оно обозначает особо любимую учителем ученицу в классе. (Если разложить иероглиф 花 на составляющие его элементы, то получается слово ヒイキ(する) — «оказывать расположе-

ние, покровительствовать, относиться пристрастно» [2, с.150].

Проведённое исследование помогло нам сделать вывод, что в этой сфере лексики японского языка особенно часто и быстро появляются как новые способы образования слов, так и собственно новые лексические единицы. В большинстве случаев молодёжь создаёт подобным образом слова для придания разговору энергичности и оригинальности.

Список использованной литературы

1. Алпатов В.М. Япония. Язык и общество. М., 1988.
2. Лаврентьев Б.П. Современный японско-русский словарь. М., 1998.
3. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. М., 1996.
4. Tessa Carroll. Language Planning and Language Change in Japan. Curzon, 2001.
5. 窪菌晴夫。『新語はこうして作られる』岩波書店、2002。
6. 米川明彦。『戦前の学生語』明治書院、1995。
7. 米川明彦。『若者ことば考』東京堂出版、1997。
8. 週刊新潮、3月6日号、新潮社発表、2003。
9. 日本語文法大辞典、明治書院、2001。
10. 日本俗語大辞典、東京堂出版、2003。

Павлов И.В.

**Женский поток,
или литература женского сообщества в Японии**

История мировой литературы знает множество примеров, когда автор литературного произведения — женщина, но только в литературе Японии существует уникальное явление — женская литература, вызванная к жизни особыми условиям творчества, с своей особой тематикой, ставящей специфические задачи, литература, ориентированная в первую очередь на женскую часть читательской аудитории.

Мы используем специальный термин «литература женского потока» для обозначения этого явления. Направление существовало только в периоды *Хэйан*, *Тайсё* и *Мэйдзи*. В наше время этот термин приобрёл новое звучание.

Но обо всём по-порядку.

Вместе с внедрением буддизма в VI веке японцы успешно заимствовали и китайское письмо. Возникла интересная языковая ситуация, когда некоторые потребности общества обслуживал родной японский язык, а некоторые — китайский. Японский язык на то время не обладал собственной системой письменности. Пришедший же в Японию в виде исторических и философских трактатов, а также религиозных текстов китайский язык

имел хорошо разработанную и закреплённую в источниках иероглифическую письменность. Так было predetermined категорическое разделение сфер применения двух совершенно различных по строению языков. На откуп китайскому были отданы все сферы, требовавшие письменной фиксации — официальное делопроизводство, наука, а японский язык продолжал использоваться в обыденной жизни, «в быту».

Овладение китайским языком происходило обычно в связи с изучением классических исторических хроник Китая, философских трактатов, религиозных текстов. Огромные затраты времени и сил при изучении китайского языка, повышенная сложность иероглифической письменности, большие трудности освоения религиозно-философского материала обуславливали «избранность» тех, кто волей судьбы справлялся с поставленной задачей и овладевал китайской учёностью. Надо ли говорить, что в основном это были — мужчины. Дело не в том, что им легче даётся изучение иностранного языка — скорее наоборот, просто первоначально возможность заниматься этим в древней Японии в основном была связана с выездом в Китай, с теми или иными поручениями дипломатического характера, опасностями путешествия — так и получилось, что к VIII веку среди знатоков китайской учёности женщин было немного. Знания высоко ценились в Японии, во многих вопросах государственной жизни пытавшейся подражать Китаю. Получение должности при дворе было связано с необходимостью разбираться в истории, философии Китая

и знать китайский язык, тем более, что официальная переписка в Японии велась на китайском.

Под влиянием этих процессов и в связи с необходимостью иметь собственное японское письмо активизировался процесс адаптации китайской иероглифики к нуждам японского языка. В современном японском языке используются китайские иероглифы. Письменность — существенный фактор в японской культуре, определяющий темпы и зачастую направление её развития. Но пока в Японии не был найден оптимальный способ использования иероглифики, в основном, записи по-японски могли вестись только при помощи азбуки. И этот способ письма стал достоянием женской части общества.

Как уже говорилось, на раннем этапе освоения китайской учёности возник довольно замкнутый, очень ограниченный и состоящий, в основном, из мужчин круг избранных специалистов. Такое положение вещей предопределило репутацию, как мы бы сейчас сказали «серьёзности и престижности» литературы на китайском языке. Дело зашло так далеко, что для мужчины стало считаться неприличным писать по-японски. Не по-мужски это было — пользоваться «простым» японским языком в таких серьёзных делах, как поэзия, написанные хроник государства, ведение государственных бумаг.

* * *

На рубеже IX и X веков из-за системы воспитания и образования японская аристократия оказалась в «неко-

тором отрыве от своих национальных истоков», путь самоутверждения определялся китайскими рецептами, но «в рамках того же социального слоя сформировалась специфическая... группа, члены которой по образованию и роду службы намного меньше других были связаны с иноземной культурой. Её составляли женщины»¹. Внутри закрытого аристократического общества Японии была своя маленькая закрытая страна — женское общество. Представительницы этого сравнительно узкого социального круга внесли крупный вклад в развитие культуры Японии, их литературные достижения определили пути развития письменности, изменили акценты в иерархии литературных жанров, определили ориентиры для многих последующих поколений писателей. Продолжение традиций, заложенных писательницами «женского потока» эпохи Хэйан мы находим и в современной японской литературе.

В 935 году у одного богатого аристократа, занимавшего поочерёдно должности губернатора провинций *Муцу*, *Исэ*, *Тамба*, *Ава*, *Хитати* и *Кадзуса*, имевшего несколько усадеб в столице, хозяина золотых рудников *Фудзивара-но Томоясу* родилась дочь. Её выдали замуж в 19 лет. Супругом стал представитель другой влиятель-

---

¹ Горегляд В.Н. Японская литература VIII—XVI вв.: Начало и развитие традиций. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. С.142.

ной ветви клана *Фудзивара* — *Фудзивара-но Канэиэ*. *Канэиэ* благодаря родственным связям и удачному браку дочери сделал фантастическую карьеру — занял пост Первого министра. Прозвище дочери *Томоясу* — второй жены *Канэиэ*, было *Митицуна-но хаха* — мать *Митицуна* — по имени родившегося у неё впоследствии сына. Со временем у мужа появилось несколько наложниц, что, безусловно заставляло жён испытывать муки ревности. Положение стало ещё хуже, когда у *Канэиэ* родилась дочь от неофициальной наложницы, которой вот уже более года отдавал предпочтение муж нашей героини. Терзания матери *Митицуна*, вызванные невниманием мужа, усугублялись болезнью и смертью её матери. Она отправляется в паломничество, становится монахиней. В конце концов, отчаявшись, она находит выход в том, чтобы всецело отдавать себя заботам о сыне, старается не думать о своей несчастной судьбе. Выход своим эмоциям мать *Митицуна* даёт в «Дневнике эфемерной жизни».

«Дневник эфемерной жизни» стал, может быть, первой психологической повестью в истории японской литературы. Ни в Китае, ни в Корее в соответствующую эпоху не было такого реалистического произведения. Так появилось на свет первое произведение, написанное женщиной на основе личных переживаний, затрагивающее тематику близкую любой женщине и именно в женской аудитории нашедшее быстрое признание. Писала свой дневник мать *Митицуна* по-японски, используя знаки слоговой азбуки. Правда, мужчи-

нами такая книга тогда не могла восприниматься всерьёз — ведь было принято считать, что настоящая литература — только на китайском языке.

Сэй-сёнагон — это тоже не имя, а прозвище, означающее «младший советник по фамилии *Сэй*». Писательница с этим именем служила в свите императрицы *Садако* с 993 по 1001 год. *Садако* — внучка от старшей жены *Фудзивара-но Канэиэ* — того самого, который заставил так страдать свою вторую жену, написавшую упоминавшийся выше «Дневник эфемерной жизни». *Сэй-сёнагон* родилась в 966 году, рано вышла замуж, но через два с небольшим года после рождения ребёнка произошёл развод. Следующее замужество не было продолжительным. Третий раз *Сэй-сёнагон* вышла замуж уже в тридцать пять, супруг был вдвое старше её. С ним она уехала из столицы по новому месту службы, но муж — *Фудзивара-но Мунэё* прожил недолго и вскоре после его смерти писательница вернулась в столицу и постриглась в монахини. Последние годы она провела в бедности. До нашего времени дошли «Записки у изголовья» *Сэй-сёнагон*, в которых она изложила свои наблюдения и размышления «обо всём на свете, иногда даже о пустяках». «Записки» открыли новый жанр в японской литературе, получивший название «вслед за кистью» — *дзуйхицу*, где автор не пользуется черновиком, а повествование свободно следует за кистью.

Всего лишь несколько лет спустя — примерно в 1005 году в свиту поступила *Мурасаки-сикибу*, дочь *Фудзивара-но Тамэтоки*, представителя северной ветви

рода *Фудзивара*. Должность *Мурасаки-сикибу* была тесно связана с китайским языком — ей, как знатоку китайской литературы, вменили в обязанность быть наставницей императрицы *Акико* в изучении китайской поэзии.

До поступления на службу, в 999 году, *Мурасаки-сикибу* вышла замуж, у неё родилась дочь, но муж через два года умер. Потеряв мужа она осталась одна с маленькой дочерью, тогда и стала пробовать силы в работе над «Повестью о *Гэндзи*» — самым объёмным произведением художественной литературы того времени не только в Японии, но и во всём мире. До «*Гэндзи*» *Мурасаки-сикибу* написала дневник. Он так и называется «Дневник *Мурасаки-сикибу*». И в дневнике, и в романе автор повествует о жизни двора, его нравах и обычаях. Мир изысканно-утончённого эстетства, мир, где каждый шаг героев романа — художественный акт, показан глазами женщины, многоопытной и пронизательной, оставившей потомкам прекрасную возможность окунуться в мир чувств и переживаний этой эпохи. Чудом кажется то, что для современного читателя в России, отделённого от героев *Мурасаки-сикибу* не только временным промежутком в тысячу лет, но и колоссальными культурными различиями, для нас близки и понятны переживания и мысли героев «*Гэндзи моногатари*». Такова мощь этого произведения. Конечно, все последующие поколения писателей, и мужчины и женщины, постоянно видели перед собой этот ориентир и в таком смысле значение творения *Мурасаки-сикибу* трудно переоценить.

Однако, ведь и этот роман был написан по-японски азбукой и не мог в своё время официально быть признанным, как заслуживающее серьёзного внимания произведение. Да и читать его мужчинам-чиновникам, аристократам было не с руки, недостойно.

Может быть, и писатели-мужчины этой эпохи были в состоянии создать нечто подобное по масштабу и глубине, но беда всё ещё была в том, что мужчине было нельзя вот так, по-простому писать по-японски. Хотя, кое-что начинало меняться, уровень произведений *Мурасаки-сикибу* был таков, что никакое общественное мнение не могло обойти это явление стороной. Постепенно в общественном сознании зародилось и стало расти понимание неизбежности перемен, но до того дня, когда появится первое произведение, написанное по-японски мужчиной, оставалось ещё около ста лет.

За это время были написаны: «Пробуждение в полночь», автор — дочь СУГАВАРА Такасуэ, середина XI в., «Повесть о советнике Хамамацу», вторая половина XI в., через 25-30 лет после «Гэндзи», «Повесть о Сагоромо», приписываемая кисти дочери *Мурасаки-сикибу* — *Дайни-но самми*, «Дневник *Идзуми-сикибу*», автор — *Идзуми-сикибу*, супруга губернатора провинции *Идзуми*, «Дневник *Сарасина*» кисти дочери СУГАВАРА Такасуэ.

За время существования литературы дневников, повествований и *дзуйхицу* язык прозы претерпел значительные изменения. Достижения придворных дам эпохи *Хэйан* вошли в анналы мировой литературы, а дело

их продолжили аристократки следующего поколения. Так, поэтесса *Акадзомэ-эмон*, приятельница *Идзумисикибу* и супруга её дяди по отцу, написала повествование в совершенно новом для того времени историческом жанре. «Повесть о процветании». Хроники, повествующие о великих деяниях древности были в Японии и раньше, но никогда раньше историческое содержание не сочеталось с художественностью повествования и авторским вымыслом. Факты государственного управления, общественной жизни, описания явлений природы — диапазон затрагиваемых тем очень велик. При этом повествование подчиняется единой задаче — создать впечатление процветания. Так была предпринята попытка идеализировать недавнее прошлое, представлявшееся теперь японцам земным раем, потому что подошла к концу эпоха мира и спокойствия.

Стихийные смуты, неурядицы, вооружённые столкновения изменили характер жизни в столице, изменилось и отношение к литературному творчеству. Уже недолго было оставаться у власти дому *Фудзивара*, на смену им шли новые лидеры — феодалы рода *Тайра*, могущественные князья, но и они не устояли в огне феодальных войн, погибнув в жестокой междоусобной войне, когда на некоторое время искусство и литература уступят место другим занятиям. На первый план выйдут сила и ловкость, умение вести интриги и жестоко уничтожать врагов, включая их семьи, до самого корня.

Отметим ещё одну повесть — «Великое зеркало». Повествование посвящено истории дома *Фудзивара* и

считается одним из самых крупных произведений историко-повествовательного жанра в Японии. Одно очень важное отличие этого произведения в свете вышесказанного видится почти символичным — повесть эта написана мужчиной на японском языке. Так в начале XII в. свершилось то, что невозможно было представить себе при дворе Хэйана — письменный японский язык обрёл признание, занял своё место и в мужском литературном процессе. Но никогда уже в Японии не будет забыто великое творчество поэтесс Хэйана, никогда не прекратится замечательная традиция: по-женски элегантно женщинам писать о женщинах и для женщин.

В 2001 году, выступая на заседании японского пен-клуба, посвящённом вопросам современной женской литературы популярная современная японская писательница ХАЯСИ Марико сказала: «В последнее время встаёт вопрос о том, что термин «женский поток» применительно к течению литературного процесса в Японии несколько устарел. Поэтому мы на очередной конференции литераторов «женского потока» решили впредь именовать наше направление «литература женского сообщества». Так была поставлена ещё одна точка в более чем тысячелетней истории этого очень интересного литературного направления.

Здесь мы подошли к финалу нашего рассказа о роли женщин в создании японской литературной традиции. Литература женского потока не имеет непрерывной

истории от Хэйана до наших дней. Эти произведения, вызванные к жизни чувствами японских писательниц, периодически появляются и исчезают в последующие эпохи. Сегодня в Японии есть «Ассоциация писательниц женского потока», в 2001 году переименованная в «Ассоциацию писательниц женского сообщества», деятельность которой не может не вызывать интереса хотя бы потому, что её членами являются более пятисот современных действующих авторов, издаваемые самыми массовыми тиражами в Японии и за рубежом.

Рыбин В.В.

МОРА как базисная единица в фонологической системе современного японского языка

Mora (от лат. *mora* — промедление, пауза; греч. χρόνος, πρότος) обычно определяется как ритмическая единица, выделяемая в фонологии древнегреческого, латинского, санскрита, японского и ряда других языков¹.

В японской лингвистической традиции похожие на него термины (ОНЪ и ХАКУ) обозначают единицу, соотношенную с темпоральным параметром, т.е. с длительностью сегмента, будь то гласный (Г), согласный + гласный (СГ), «вторая половина» (Г₂) геминированных гласных, «первая половина» (С₁) геминированных согласных или конечнослоговой носовой НЪ.

Носители японского языка с легкостью членят любое слово именно на такие единицы, разделение же на более мелкие сегменты (фонемы) — задача для них гораздо более сложная. Е.Д.Поливанов объяснял этот феномен с точки зрения языкового мышления японцев так: «Звук сознается не сам по себе (а согласный, в виде нормы, и произносится не может сам по себе — в изоляции, т.е. без следующего за ним гласного), а как

---

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н.Ярцева. М., 1990. С.310.

один из элементов строго определенного слогопредставления»². Именно Е.Д.Поливанов применительно к японским *онъ* и *хаку* первым в японоведении стал использовать термин *мора*³.

Эти единицы (моры) обозначаются отдельными знаками каны. Можно сказать, что во время формирования каны (IX—X вв. н.э.) существовало одно-однозначное соответствие между знаками каны и морами, несколько нарушенное в современном языке. «Японская традиция до ее европеизации обходилась только морами: понятия, соответствующие фонеме и слогу, сформировались в Японии уже в период европеизации под влиянием извне. Количество мор в японском языке несколько больше, чем количество фонем в языках мира, но все же японских мор столь мало (в современном языке не более двухсот, а в древнем еще меньше), что они могут быть заданы списком... Такая особенность японской традиции — привычка идти от моры к звуку, а не наоборот — сохранилась даже в наши дни, несмотря на освоение европейских и американских лингвистических теорий и методов. Она безусловно связана со строем японского языка, где сочетаемость фонем менее

---

² Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930. С.148.

³ См., напр.: Поливанов Е.Д. Музыкальное ударение в говоре Токио. Пг., 1915.

свободна, чем в греческом, санскрите и арабском, а структура слога подчинена весьма жестким правилам»⁴.

В японском языке структура такой единицы как слог выглядит внешне простой с преобладающим типом СГ. В ходе исторического развития исходная структура (СГ) усложнилась под влиянием различных факторов (падение согласных, вызвавшее появление долгих гласных; редукция гласных и процессы ассимиляции, приведшие к появлению геминированных согласных и конечно-слогового носового; влияние фонологической системы китайского языка, обусловленное процессом заимствования китайской лексики и т.д.). Произошла своего рода мутация слоговой структуры. Однако и в современном языке открытые слоги наиболее типичны.

Относительная простота структуры слога и практическое отсутствие ресиллабации сближает японский со слоговыми языками. Однако для японского языка значительно характернее дву- и более сложные морфемы, имеются морфемы короче слога (например, одноконсонантные, типа суффикса каузатива — с —). И надо иметь в виду, что в японском языке существует специфическая единица — мора, отсутствующая в слоговых языках⁵.

---

⁴ Аллатов В.М. История лингвистических учений: Учебное пособие. 4-е изд. М., 2005. С.31-32.

⁵ Рыбин В.В. Слог в японском языке: АКД. Л., 1986. С.1.

Одни моры могут быть самостоятельными слогами в обычной речи (это моры СГ и Г, равные кратким слогам), другие же являются структурными компонентами слогов, состоящих более чем из одной моры, то есть компонентами долгих слогов (это моры Г₂, С₁, НЪ и иногда полугласный Й).

Однако некоторые исследователи подвергают сомнению реальность моры как особой функциональной единицы (см. например, работу М.Бекман⁶).

Считается, что в идеале двуморные сегменты в два раза превышают длительность одноморных, а трехморные соотносятся с двуморными как 3/2, т.е. отношение времени звучания, скажем, трехморных слов к двуморным равно 1,5, при этом моры как «силлабические» (音節的 — *онсэццутэки*), так и «несиллабические» (非音節的 — *хионсэццутэки*) изохронны. Это положение в полной мере согласуется с представлениями традиционной японской филологии. Исходя из этого же и учитывая ее просодическую значимость, Дж.Мак-Коли, пользуясь понятием «мора», определил ее как «единицу длины в языке» (unit of length in the language)⁷.

---

⁶ Beckman M. Segment duration and the 'mora' in Japanese // *Phonetica*. 1982. Vol. 39, N 2-3. P.113-134.

⁷ McCawley J.D. The phonological component of a grammar of Japanese. The Hague—Paris, 1968. P.131.

В работе М.Хан⁸ длительность сегментных единиц в зависимости от их морфной структуры изучалась экспериментально. Прежде всего в результате спектрографического анализа полученного материала Хан выяснила, что собственно присущая японским гласным длительность в относительном измерении распределяется следующим образом: /u/ — 1,00; /i/ — 1,17; /o/ — 1,26; /e/ — 1,36; /a/ — 1,44. Это значит, что /a/ в аналогичном контексте практически длиннее, чем /u/, почти в полтора раза. Что касается согласных, то наиболее длительными являются глухие щелевые, аффрикаты и смычные, затем идут звонкие щелевые и аффрикаты, далее звонкие смычные и носовые, одноударный /r/ и полугласные /w/, /j/. Причем в каждом подклассе наблюдается иерархия по длительности.

Сравнивая длительности кратких и долгих, т.е. двуморфных, гласных, Хан получила соотношение в пределах от 1:2 до 1:3 в зависимости от окружения (первое соотношение связано с противопоставлением изолированный краткий гласный — долгий гласный, а второе для гласных из слогов CГ — CГ:). На основании статистических данных автор делает следующие выводы: принятое представление об «удвоении» гласных и согласных в японском языке не совсем правильно отражает реальную картину: лишь в контексте наблюдается устойчивая тенденция к уравниванию времени звуча-

---

⁸ Han M.S. The feature of duration in Japanese // Study of sounds. 1962. X. Pp. 65-80.

ния мор и своего рода перераспределение длительности между согласным и гласным⁹.

Оппонентом Хан является Бекман, которая провела большой эксперимент с целью выявления зависимости длительности гласных от различного консонантного окружения, зависимости длительности согласных от вокалического окружения, соотношения длительностей между согласными, лишенными вокалической опоры в результате редукции /i/ и /u/¹⁰, практически сосредотачивая внимание на проблеме наличия/отсутствия изохронности мор.

По ее мнению, результаты подтверждают тезис об отсутствии какой-либо “временной компенсации”, т.е. увеличения длительности согласного при редукции последующего гласного (только в 7% случаев из 54 пар сравниваемых слов слоговой согласный равен по длительности или длительнее моры СГ; в 54% случаев слоговой согласный незначительно длительнее согласного из сочетания СГ). Хотя она отмечает, что слоговой согласный **чаще** более длителен, чем неслоговой, но, во-первых, эта тенденция не является ведущей и, во-вторых, разница по длительности незначительная (в

---

⁹ Han M.S. Unvoicing of vowels in Japanese // Study of sounds. 1962. X. P.92.

¹⁰ Beckman M. Op. cit. PP.113-115.

среднем 9 мс при допустимой ошибке измерений в пределах ± 5 мс)¹¹.

Критика Бекман относится и к тому положению морной теории, согласно которому геминированные согласные состоят из морообразующего согласного и неморообразующего согласного следующей моры структуры СГ. Корректность данного положения должна подтверждаться соотношением длительностей долгих и кратких согласных. Автор считает, что соотношение СС:С = 3:1 идеально отражало бы их морную структуру¹². Ею получены два соотношения 2,25 и 2,79 при разных методах сегментации: в первом случае переходный участок отнесен к согласному, во втором — к гласному. Второе соотношение близко по значению к данным, полученным Хан (см. выше). Статистика показала, что “моронесущая” первая часть долгого согласного в среднем существенно короче моры структуры СГ. Кроме того, Бекман сравнила длительности сочетаний ССГ и СГ, получив соотношение 1,66, что было сочтено недостаточным для подтверждения морной теории, согласно которой оно должно быть равным 2.

В результате Бекман приходит к выводу, что абстрактная временная структура (мора) не имеет **фонетической** реальности, а способность носителей японского языка определять количество мор в высказыва-

---

¹¹ Ibid. P.119.

¹² Ibid. PP.121-122.

нии связана с интерференцией со стороны графики. Уделом моры как ритмической единицы остается поэзия, традиции которой уходят в далекой прошлое, когда все слоги в японском языке составляли сочетание СГ или просто Г. С течением времени за счет изменения в звуковом строе часть слогов СГ превратилась в конечнослоговой НЬ, морообразующую часть в составе долгих согласных, а слогосчитающий стихотворный размер стал моросчитающим¹³. Существенно, что для Бекман реальность моры опровергается отсутствием **идеальных** в чисто “арифметическом” смысле данных, психолингвистические факторы, в частности перцептивного характера, ею никак не учитываются.

В этой связи для нас важны данные другого эксперимента, описанные Х.Фудзисаки и М.Сугито¹⁴. Их эксперимент был посвящен выяснению зависимости восприятия моры от длительности сегментов. В эксперименте использовалась синтезированная речь в виде отдельных слов и простых предложений. Из экспериментальных данных авторы делают вывод о том, что если гласный или согласный в 1,5—1,7 раза длительнее окружающих сегментов, то этого достаточно, чтобы двуморные слова были восприняты как трехморные.

---

¹³ Ibid. P.134.

¹⁴ Фудзисаки Хироя, Сугитоо Миёко. Онсэй-но буцуригакутэки сэй-сису (Физические свойства звуков речи) // Нихонго (Японский язык). Т.5: Онъин (Фонология). Токио, 1977. С.82-86.

Эти авторы отмечают также, что восприятие долгих гласных и согласных сегментов находится в прямой зависимости от соотношений по длительности на синтагматической оси: при увеличении времени звучания окружающих сегментов исследуемые гласные и согласные начинают восприниматься как удвоенные с более высокого порога длительности.

Следует добавить, что проведенный нами по данным этого эксперимента арифметический подсчет показал, что слова начинают восприниматься как трехморные, когда отношение их длительности к длительности двуморных слов равно 1,2—1,3, а не 1,5. Напомним, что для сравниваемых слов соотношение 3:2 идеально соответствовало бы представлениям сторонников изохронности мор (Хан и др.) и являлось бы, по мнению Бекман, убедительным свидетельством в пользу фонетической реальности моры.

Приведем результаты двух наших экспериментов, касающихся вопросов восприятия звучащей (японской) речи в затрудненных условиях. (Подробно см. данные в нашей статье¹⁵ и в коллективной монографии¹⁶). Суть первого эксперимента заключалась в следующем. В произношении диктора — носителя токий-

---

¹⁵ Рыбин В.В. Является ли реликтом мора в японском языке? // Язык, культура, общество: проблемы развития / Отв. ред. М.Н.Боголюбов. Л., 1986. СС.77-85.

¹⁶ Касевич В.Б., Шабельникова Е.М., Рыбин В.В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.

ского диалекта (стандартного японского языка) было записано 185 словосочетаний с разным числом слов (от 2 до 4) и с числом слогов от 5 до 12. Все виды словосочетаний были сбалансированы по количеству представленных типов. Словосочетания произносились без пауз, “в одну синтагму”. Затем записанный материал подвергся акустическому искажению путем введения частотных ограничений с использованием фильтров спектрометра звуковых частот. Экспериментальная запись предъявлялась группе аудиторов в 10 человек, которые получили инструкцию записывать по возможности полностью услышанное или же нечто максимально “похожее” на предъявляемые звучания.

Подсчеты показали, что в среднем сохранение числа слогов и мор при восприятии равно 85 и 86%. Полученные данные показывают, что мора столь же “устойчива”, как и слог. Кроме того, при восприятии в затрудненных условиях сохраняется и отношение количества мор к количеству слогов: в исходном тексте оно равнялось 1,3 (17940/14290), при восприятии — 1,27 (15417/12129). Иначе говоря, сохраняется практически одинаковое соотношение между двуморными (долгими) и одноморными (краткими) слогами. Эти результаты являются еще одним убедительным свидетельством в пользу “устойчивости” моры как базисной фонологической единицы в современном японском языке.

Другой наш эксперимент был основан на восприятии связного текста в белом шуме. Отношение коли-

чества мор к количеству слогов в исходном тексте составляло 1,1. Текст был записан на магнитную ленту в прочтении диктора — носителя стандартного варианта японского языка в обычном темпе. Затем запись была обработана путем наложения белого шума при соотношении сигнал/шум, равном 0 дБ и предъявлена 8 аудиторам.

Анализ данных показал, что воспринято около 70% от количества исходных слогов и 73% от количества исходных мор. При этом практически сохранилось соотношение между количеством мор и слогов — 1,12.

При дальнейшей обработке данных, полученных в результате аудирования, было выяснено, что фактором, от которого зависит ухудшение восприятия, является длина высказывания в терминах мор при том, что длина высказывания в терминах слов и слогов не является таковым. Итак, эксперименты, связанные с восприятием синтезированной речи и речи в затрудненных условиях, опровергают вывод Бекман об отсутствии фонетической реальности моры в японском языке и о том, что мора является своего рода только неким реликтом.

Реальность моры подтверждается фактами, связанными с образованием жаргонной лексики и языковыми играми¹⁷. Так, например, если техника палиндро-

---

¹⁷ Рыбин В.В. Слог и мора в японских 'какусикотоба' // Востокведение. Вып.11 / Отв. ред. В.Б.Касевич. Л., 1985. СС.63-68.

мов в неслоговых языках (типа русского, английского) заключается в изменении порядка **фонем** (иногда — букв), в слоговых языках (типа китайского) — изменении порядка **слогов**, то в японском языке образование части жаргонной лексики, слов — “перевертней” и палиндромов основано на изменении порядка **мор**. Ср. жаргонное уродо “дорога” (исходное дооро, графически ДО, У, РО), слова — “перевертни” маНто “пальто” ⇔ тоНма “болван” и палиндром та-кэ-я я-кэ-та ⇔ та-кэ-я я-кэ-та (а не ат-эк-ай ай-эк-ат!) “лавка бамбуковых изделий сторела”.

Как видно, реальность моры как базисной фонологической единицы в японском языке доказуема с помощью различных фактов языка и методов их анализа. Интересным в этой же связи представляется материал, в основе которого лежит рассмотрение языковых ошибок (оговорок) носителей языка. Такого рода материал собран в работе Х.Кубодзоно (1999)¹⁸, также и других его более ранних работах¹⁹. Анализ ошибок, выполненный этим автором в связи с рассмотрением таких структурных единиц как слог и мора, показал, что в оговорках японцы заменяют долгие (двуморные) слоги

---

¹⁸ Кубодзоно Харуо. Нихонго-но онсэй (Фонетика японского языка) // Гэндай гэнгогаку нюумон (Введение в современную лингвистику). Т.2. Токио, 1999. С. 156-162.

¹⁹ Kubozono H. The mora and syllable structure in Japanese: evidence from speech errors // Language and speech. 1989 . 32 (3). P.249-278.

либо долгими слогами, либо сочетаниями двух одноморных слогов (64 и 22 процента соответственно), но крайне редко (14%) одним кратким слогом. (Эти данные были рассмотрены более подробно в курсовой работе Д.А.Биричевского «Слог и мора в японском языке», выполненной под руководством В.Б.Касевича в 1995 г.²⁰). Это также можно истолковать в плане фонологической длины слога следующим образом: долгота долгих слогов превышает вдвое длину кратких слогов и равна длине двух соседних одноморных. Таким образом, выходит, что отношение долгих слогов к кратким составляет 2:1, что, как говорилось выше, требует в виде доказательства М.Бекман.

Любопытны и результаты проведенного им (Биричевским) эксперимента, в котором носители языка были спровоцированы делать ошибки при повторе вслед за диктором слов, записанных на магнитную ленту (в задании диктору было предложено произносить слова в ускоренном темпе). В целом и реальные оговорки, собранные *Кубодзono*, и те, что наблюдались в условиях эксперимента, выглядят однотипными. Ср. мо.о-та.а-ба.й-ку (точками отмечены границы мор, а тире — границы слогов) “мопед” → мо.й-та.а-ба.й-ку, дзю.у-го-па.а-сэ.н-то “15%” → дзю.у-го-па.н-сэ.н-то, ка.н-кэ.й-ка.й-дзэ.н “улучшение отношений” → ка.й-кэ.н-ка.й-дзэ-н, ко.о-дзу.й-тю.у-и-хо.о ”предупреждение о навод-

---

²⁰ Биричевский Д.А. Слог и мора в японском языке: курсовая работа (рукопись). СПб., 1995.

нении” → ко.о-дзу-у-тю.у-и-хо-о, ку.у-бо-ми.д-до-вэ.й
”авианосец ’Midway” → ку.б-бо-ми.д-до-вэ.й и т.д.

На основании анализа оговорок были сделаны важные, на наш взгляд, выводы: во-первых, в японских речевых ошибках наблюдается расщепление долгих гласных и дифтонгов, а также геминированных согласных, а это говорит о том, что в японском языке долгие гласные, дифтонги и удвоенные согласные не могут трактоваться в фонологических описаниях как единое целое; во-вторых, ошибки указывают на то, что “вторые половины” гласных или полугласный из дифтонгов могут заменяться на согласный и наоборот (гласный носовым НЪ или первым компонентом удвоенного согласного, носовой НЪ вторым компонентом дифтонга), при этом такого рода взаимозамены наблюдаются только с финальными компонентами слогов.

В контексте обсуждаемых речевых ошибок неинтересно обратиться к ошибкам, отмечаемым в речи японских детей. Их анализ позволяет также признать за морой статус важной функциональной единицы японской фонологии. Так, дети дошкольного возраста (от двух до пяти лет), не в полной мере овладевшие артикуляционной базой, могут, обращаясь к отцу, называть его **то.о-та.нъ** вместо **то.о-са.нъ** (замена инициального щелевого согласного во втором слоге — /с/ — на смычный /т/, при сохранении признака глухости консонанта). Есть дети, которые произносят взамен **га.к-ко.о** “школа” → **да.т-то.о** (в этом примере замена согласных происходит с соблюдением звонкос-

ти/глухости как начальнослогового, так и конечнослогового согласных), вместо **су.й-до.о** "водопровод" → **су.й-но.о** (здесь происходит замена смычного звонкого переднеязычного на смычный носовой переднеязычный). Все эти примеры найдены нами в работе *Наканотани «Методы исправления "плохого" произношения»*²¹, в которой автор не дает, строго говоря, фонологической оценки приводимых им примеров, а подходит к ним в первую очередь с позиции логопеда.

Рассмотрим еще один, на наш взгляд, довольно иллюстративный пример из детской речи. В ответ на вопрос мамы, показывающей малышу картинку жирафа (по-японски — **ки-ри.нь**): «А это кто?», малыш произносит **ти-и.нь-та.нь**. В данном случае, кроме замены начального /k/ на /t/ и добавления для вежливости суффикса /та.нь/ (вместо стандартного — /са.нь/), наблюдается либо падение одноударного плавного переднеязычного согласного /r/, либо замена его на смычный глухой ларингал /ʔ /, который не без оснований постулируется во многих работах по японской фонетике как фонема, предшествующая всем японским гласным.

Обратим внимание на то, что японские дети, допускающие артикуляционные (фонемные) ошибки, не допускают ошибок, связанных с морфной структурой слогов. В связи с вышесказанным нельзя не согласиться с выво-

²¹ *Наканотани Киёси*. «Варуй хацуон»-но наосиката: ёриёй ни-хонго-но онсэй-о мэдзаситэ (Методы исправления «плохого произношения»: к улучшению звуков в японской речи). Токио, 1985.

дом о том, что строго фиксированная внутрислоговая структура в японском языке может быть объяснена адекватно, только если признать мору релевантной единицей речепроизводства²², и что мора является более значимой единицей, чем слог в японском языке, и даже выходит на первый план в “ущерб” слогу²³.

Из всего сказанного выше следует, что основной ритмообразующей единицей в современном японском языке выступает мора, а не слог.

Отметим также что в связи с выделением фонологических ярусов в японском языке писал И.Ф.Вардуль. Говоря о том, что фонемы вступают в отношения ранговых классов не непосредственно со слогами, а с морами, которые в свою очередь находятся в подобных отношениях со слогами, автор отметил, что «для отказа морам в статусе отдельного рангового класса языковых единиц в японском языке нет оснований. Мора состоит из двух (CV) или одной фонемы (V или C). Следовательно она сегментна. И деление дискурса на уровне мор не дает остатка»²⁴. Исходя из этой трактовки, С.А.Старостин определяет мору как высшую единицу

---

²² Подробнее см.: *Kibozono H.* Op. cit.

²³ *Касевич В.Б., Шабельникова Е.М., Рыбин В.В.* Указ. соч.

²⁴ *Алатов В.М., Вардуль И.Ф., Старостин С.А.* Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М., 2000. С.11 (прим.2).

фонологического яруса I²⁵, при том, что она же является низшей единицей фонологического яруса II, в котором слог — промежуточная единица, а высшая — фраза²⁶.

Можно констатировать, что на сегментном уровне в японском языке мора, являясь особой единицей, выполняющей тактовую или ритмообразующую роль, играет главную роль как высшая единица соответствующего фонологического яруса. Она же служит как темпоральная единица для исчисления продолжительности высказывания, являясь базисным элементом квантования (опорным квантом) при слуховой оценке временного контура фразы и релевантной единицей речепроизводства, причем ее роль в японской фонологии в определенном смысле важнее слога.

Из сказанного выше видно, какую роль играет мора в японском языке на сегментном уровне. Какова же ее роль на супрасегментном уровне?

Понятие **мора** ввел в японоведение Е.Д.Поливанов (1915), давая именно описание музыкального ударения в говоре Токио.

На необходимость использования моры при описании японского акцента указывал и Дж.Мак-Коли, четко сформулировав роли, которые она играет в фонологической системе на супрасегментном уровне. Во-первых,

---

²⁵ Там же. С.78.

²⁶ Там же. С.81.

описание ударения возможно только в терминах мор (зная местоположение последней моры, имеющей высокий тон, можно довольно просто определить тип акцентного контура фонетического слова); во-вторых, мора является “единицей фонологического расстояния” (unit of phonological distance) в японском языке, так как, например, определенный класс заимствованных слов характеризуется падением тона после третьей от конца слова (антепенультимативной) моры, а ударным слогом считается тот, который содежит эту мору. Скажем, как это происходит когда такая мора находится во втором от конца слова слоге (пенультимативном), который является двуморным (долгим). Ср. рэ.-[↑]ко[↓].одо от англ. record “пластинка”. С учетом такого соотношения сегментных и просодических средств Мак-Коли отнес японский язык к разряду моросчитающих силлабных языков²⁷.

Правила японской акцентуации сводятся к следующим положениям: 1) в слове выделяется ударная мора; 2) каждое фонетическое слово характеризуется акцентным контуром, который может быть определен как “кривая” отражающая распределение высоты тона на каждой из мор в зависимости от ее положения относительно ударной; фонетическим коррелятом ударения служат регистровые различия: ударная мора и все предударные, кроме первой в слове (если она сама не яв-

---

²⁷ McCawley J.D. Op. cit. pp. 61, 134.

ляется ударной), произносятся с повышением мелодики, заударные — с понижением.

С.А.Старостин определяет роль, которую играет мора на супрасегментном уровне так: «Минимальной единицей, имеющей категориальную просодическую (акцентную) характеристику, а следовательно, и низшей единицей супрафонологического яруса является мора»²⁸.

Итак, мы видим, что без моры как единицы, проявляющей просодическую активность, невозможно дать адекватное описание и японского музыкального ударения.

---

²⁸ Аллатов В.М., Вардуль И.Ф., Старостин С.А. Указ. соч. С.87.

А.Ю.Синицын

Японские коллекции МАЭ РАН конца XVIII в.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН обладает весьма обширным (порядка 10 000 единиц хранения) собранием самых разнообразных предметов, всесторонне отражающих традиционную японскую культуру. Эта коллекция складывалась в течение трехсот лет, начало ее собирания восходит к основанию Петровской Кунсткамеры, то есть к первой половине XVIII в. (предметы японского происхождения изначально входили в первую коллекцию Кунсткамеры, открывшуюся в 1714 г.) и, таким образом, представляет собой уникальный исторический памятник, характеризующий эпоху становления российско-японских отношений и отражающий ее основной событийный контекст.

Первые японские экспонаты попали в Кунсткамеру еще во времена Петра I. Следует отметить, что в ту эпоху японские вещи в Европе считались большой редкостью, стоили баснословных денег и служили украшением дворцов и музеев. Что касается Петра I, то основатель Кунсткамеры рассматривал японские вещи не только как ценные раритеты, но и как стимул для поиска путей в загадочную островную страну, торговля с которой, могла бы принести немалый доход казне и значительно повысить международный престиж России. Кроме того,

наличие у восточных пределов Российской империи почти неизвестной державы, возможно — сильной в военном отношении и способной оказаться как союзником, так и серьёзным соперником России на Дальнем Востоке, требовало от российского правительства предпринять меры по изучению восточного соседа. Именно по этой причине Петр I дал Сибирскому приказу задание «о проведывании Японского государства и учинении с ним торгов»¹, а также собирать всевозможные сведения о Японии, прежде всего — касательно ее точного местонахождения и пути к ее владениям, состояния японского вооружения вооруженных сил, производимых японцами товаров и перспективах торговли с Японией². В силу этого, все поступавшие в Россию японские вещи доставлялись к государеву двору; часть этих предметов была передана для хранения в Кунсткамеру. Таким образом, в основанную Петром I Кунсткамеру стали попадать японские вещи с Камчатки (только что присоединенной к России), с Курильских островов, а также покупавшиеся в Голландии, в частности, у известного коллекционера и торговца раритетами Альберта Себы³. В 40-х—50-х годах XVIII в. поступили коллекции от капитана М.Шпанберга, открывшего «северный путь» в

---

¹ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960. С.22.

² Ibid., с.21.

³ Ксенофонтова Р.А. Из истории ранних японских коллекций. Сборник МАЭ. Т.XXV. Л.,1969. С.288.

Японию, от исследователя Камчатки С. Крашенинникова и переводчица П. Шенаныкина. Таким образом, к середине XVIII в. Кунсткамера обладала довольно значительной японской коллекцией, самой первой в России и одной из самых ранних в Европе. Точное число ее предметов указать в настоящее время не представляется возможным. Первый каталог Кунсткамеры, *Musei Imperialis Petropolitani*, начавший издаваться в 1742 г., насчитывает всего лишь 12 японских предметов⁴, но эта цифра не является точной, ибо многие японские вещи значились как китайские. К сожалению, все эти экспонаты уже к середине XIX в. были утрачены.

Наиболее ранними японскими экспонатами Кунсткамеры, сохранившимися до настоящего времени, следует считать поступления 90-х годов XVIII в. К ним относятся коллекции, преподнесенные императрице Екатерине II японским капитаном *Дайкокуя Кōдаю* (1791 г.) и шведским врачом д-ром Штуцером (1795 г.), а также коллекцию, переданную Академии наук поручиком Адамом Лаксманом (1794 г.) .

Капитан *Дайкокуя Кōдаю* 大黒屋光太夫 (1751-1828), личность яркая и незаурядная, считается наиболее значимой фигурой среди японских моряков *хёрюмин* 漂流民, по воле стихии занесенных в Россию. После того,

---

⁴ Ксенофонтова Р.А. Из истории ранних японских коллекций. Сборник МАЭ. Т. XXV. Л., 1969. С. 280-281. Также см. *Musei Imperialis Petropolitani*, Vol. II, СПб, 1742.

как корабль «Синсёмару» разбился у о. Амчитка (Алеутские острова) в 1783 г., *Дайкокуя Кōдаю* и члены его команды были вынуждены около 10 лет провести в России, обращаясь в разные инстанции в надежде получить возможность вернуться на родину. И только прямое обращение к императрице Екатерине Великой в 1791 г. позволило решить вопрос положительно. Императрица отнеслась к *Дайкокуя Кōдаю* с симпатией и состраданием, и по ее указанию в 1792 г. в Охотске было снаряжено специальное судно (бригантина Св. Екатерина), на котором в Японию было направлено посольство во главе с лейтенантом Адамом Лаксманом, сыном известного ученого финского происхождения Эрика Кирилла Лаксмана. *Дайкокуя Кōдаю*, в отличие от своих предшественников, простых моряков, был человеком образованным и эрудированным. Незаурядный ум и человеческое обаяние позволили ему завести в России много друзей, в том числе — среди ученых, промышленников и даже представителей высшего сословия. Японский капитан вполне овладел русским языком, благодаря чему весьма расширил представления российских ученых о Японии, а также собрал значительные и разносторонние сведения о России. Будучи в Петербурге, был представлен не только Екатерине II, но и наследнику престола, будущему императору Александру I; был вхож во дворцы аристократов, посещал театры и музеи, в том числе — Кунсткамеру, где осмотрел знаменитый Готторпский глобус. Императрице он преподнес небольшую, но уникальную для России коллекцию своих личных предметов, которые до сих пор хранятся в МАЭ. Он же сделал

опись этой коллекции, где русскими буквами дал японские названия подаренных им предметов, отразив слоговую структуру японского языка (что позже позволило идентифицировать эти предметы). *Дайкокуя Кодаяо* делал подарки из числа спасенных с корабля предметов и другим российским сановникам; среди этих подарков упоминаются несколько японских мечей⁵. Дальнейшая судьба этих предметов неизвестна; в любом случае, они хранились в частных коллекциях российских аристократов и, очевидно, были утрачены после 1917 г.

Поручик Адам Лаксман, вернувший японских моряков на родину, официально стоял во главе дипломатической миссии, снаряженной на средство казны и по повелению императрицы и должная передать правительству Японии письменное послание от имени Иркутского губернатора с предложением открыть между двумя странами торговлю. Миссия эта продолжалась почти год (с сентября 1791 по сентябрь 1792 г.), с вынужденной зимовкой в гавани *Нэмуру* на о.*Хоккайдō*. Предложения российской стороны японским правительством рассмотрены не были, но контакт состоялся, и обе стороны получили определенный опыт дипломатического общения друг с другом и обменялись дипломатическими

---

⁵ «...Друг Лаксмана Мусин-Пушкин попросил [Кодаяо] подарить ему японские золотые монеты. Помимо японских золотых монет различного достоинства Кодаяо подарил свои петербургским друзьям пять изготовленных в Исэ мечей и одну серебряную курительную трубку» // Ясуси Иноуэ. Сны о России. М., 1977. С.181.

подарками. Из этого путешествия А.Лаксман привез собранную им небольшую коллекцию, в основном — ботанические и зоологические экспонаты, а также несколько этнографических предметов с Алеутских островов и три предмета из Японии — восковую свечу и два декоративных лаковых подноса *обон* 俵皿. Эти предметы в 1794 были переданы Лаксманом в Кунсткамеру⁶. Кроме того, существуют сведения, что из Японии Лаксман привез и другие предметы, полученные от японских чиновников в качестве дипломатических даров, в том числе — три меча. Эти предметы Адам Лаксман торжественно передал Екатерине II на приеме по возвращении из путешествия в том же 1794 г. Согласно воле императрицы, изображения этих мечей были помещены на фамильный герб Лаксманов⁷. К сожалению, судьба этих мечей неизвестна.

Миссия А.Лаксмана и открытие российскими мореплавателями «северного пути» в Японию получило определенный резонанс в странах Западной Европы. Примером этого служит поступление в 1795 г. коллекции японских раритетов от доктора Августа Иоганна (?) Штуцера, шведского врача на службе голландской Ост-Индской компании. Штуцер был в Японии дважды: в

---

⁶ Ксенофонтова Р.А. Из истории ранних японских коллекций. С.293. Протоколы заседания Конференции Императорской Академии наук с 1705 по 1803 г., Т.IV, СПб,1911, С.38.

⁷ Ю.Георгиев. Адам Лаксман — первый российский посланник в Японию // Япония сегодня. №6, 2004. С.14.

1788 он находился в голландской колонии в г.Нагасаки (возможно, ему удалось побывать также и в Хирадо); в 1792 г. доктор Штуцер посетил столицу Японии г.Эдо, как раз в то время, когда А.Лаксман вел переговоры в княжестве Мацумаи (о.Хоккайдō). Эта коллекция была прислана в качестве подарка Екатерине II, передавшей ее в том же году Кунсткамере⁸.

Коллекция д-ра Штуцера, насчитывавшая свыше 60 предметов, была столь уникальной, столь и разнообразной по своему составу: несколько коробок с фигурками-копиями многочисленных насекомых, обитающих в Японии; шесть подзорных труб, лаковые плакетки, макеты паланкинов *каго* 駕籠, два старинных кинжала *тантō* 短刀, коробка с моксами для лечения прижиганием, монеты и другие предметы.

Особый интерес представляют собой лаковые плакетки и подзорные трубы. Плакетки представляют собой металлические (латунные) пластины, расписанные в технике *маки-э* 蒔絵 черным и золотым лаком, с золотым напылением, фрагментарной инкрустацией золотой фольгой и перламутром. Все плакетки выполнены с европейских гравюр. Четыре плакетки овальной формы являются портретами (короля Франции Людовика XV, короля Швеции Густава III Адольфа, короля Пруссии Фрид-

---

⁸ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С.66. Протоколы заседания Конференции Императорской Академии наук... С.409-411.

риха II Великого и Мартина Лютера). На обратных сторонах плакеток — надписи золотым лаком на французском языке, поясняющие портреты. Примечательно, что многие надписи сделаны с ошибками, что говорит о том, что делавший их японский мастер французским языком не владел. Пятая плакетка прямоугольной формы — вид Санкт-Петербурга середины XVIII в. с гравюры И.Махаева «Проспект по Неве реке между зимним Ея Императорского Величества домом и Академией наук». Что касается подзорных труб, то это — уникальная коллекция из 6 предметов. Все трубы — европейского типа, но сделаны, как и плакетки, по заказу доктора Штуцера японскими мастерами и представляют характерные образцы японского декоративно-прикладного искусства в стиле *намбан* 南蛮. Примечательно, что для декоративного оформления подзорных труб использовался такой нехарактерный для Японии эпохи Эдо материал, как стекло (считавшееся драгоценной заморской диковинкой), а также роспись в редком стиле *Хирадо-э* 平戸絵. Имеются два таких живописных фрагмента: 1) вид голландской колонии на о.*Хирадо* (существовавшей там до переселения на о.*Дэдзима* в 1639 г.) и портрет европейской женщины в красном платье. Примечательно, что последний является частью декора трубы, изначально предназначавшейся для дарения Екатерине II и оформленной с использованием мотива двуглавого орла, герба Российской империи. В этой связи было высказано предположение, что портрет женщины может быть попыткой изображения самой Екатерины II.

Судя по надписям-посвящениям на подзорных трубах, д-р Штуцер, заказывая предметы японским мастерам, собирался подарить часть своей уникально коллекции королю Франции Людовику XVI (1754-93), часть — шведскому королю Густаву-Адольфу (правил 1792-1809), часть — королю Пруссии Фридриху II Великому (1712-86); штатгальтеру Нидерландов Вильяму V (1748-1806), часть — Екатерине Великой и, таким образом, стяжать милость величайших монархов Европы. Но в силу разных причин (Великая французская революция и последовавшая за ней череда войн между европейскими державами) доктор Штуцер был вынужден презентовать всю свою коллекцию российской императрице. Можно сказать, что этот дар вывел японское собрание Кунсткамеры за рамки двусторонних российско-японских отношений и придал ему статус исторического и культурного памятника международного значения.

Строева М.В.

**Культурный аспект деятельности
японской дипломатической миссии
1874—1876 гг. в Санкт-Петербурге**

Большое внимание исследователей привлекает политический результат миссии — Санкт-Петербургский договор 1875 г. Однако, деятельность миссии не ограничивалась лишь подписанием договора 1875 г. С 1874 г. в Санкт-Петербурге начала действовать японская дипломатическая миссия на постоянной основе (во главе с посланником), которая в 1908 г. приобрела статус посольства, а глава миссии получил ранг посла. Несомненен также вклад членов миссии в развитие русско-японских отношений в указанный период с точки зрения культурного аспекта.

Основной целью миссии 1874-76 гг. являлось заключение договора относительно территориальной принадлежности Сахалина и Курильских островов. На переговорах по Сахалину в Санкт-Петербурге в 1867 г. статус Сахалина был изменен с «неразделенной» территории на «совместное» владение. Однако, территориальная проблема существовала и вызывала постоянные конфликты и напряженность из-за столкновения интересов двух стран на Сахалине.

Подготовка к отправке миссии началась в 1873 г. Первоначально полномочным и чрезвычайным посланником в Россию в феврале 1873 г. был назначен граф

САВА Нобуёси 沢信良. После революции Мэйдзи он первым возглавил созданное в 1869 г. МИД Японии. Однако, в конце 1873 г. САВА Нобуёси скоропостижно скончался, не успев выехать в Россию с возложенной на него миссией.

Вместо него главой миссии был назначен ЭНОМОТО Такэаки 榎本武揚, получивший чин вице-адмирала флота. Во время революции Мэйдзи он поддержал сторону сёгуна, выступив против молодого императора. Эномото увел из Эдо флотилию боевых кораблей на Хоккайдō и попытался провозгласить там независимую республику. Он потерпел поражение и был заключен под домашний арест на 2 года. По истечению этого срока он был назначен начальником экспедиции, занимающейся географическими и геологическими исследованиями о.Хоккайдō.

В состав миссии также входили: поверенный в делах ХАНАБУСА Ёситомо 花房義質 (впоследствии посланник в России в 1883-86 гг.), секретари НАКАМУРА Хиро-ясу 中村博愛, ИТИКАВА Бункити 市川文吉 и СИГА Тикатомо 志賀親朋, состоявшие при миссии НАЙТō Таданори 内藤忠徳 и ЯМАНОУТИ Кацуаки 山内勝明. В 1875-76 гг. при миссии также состоял Помпе фон Мердervорт¹.

---

¹ Annuaire diplomatique de L'Empire de Russie pour l'annee 1874. St.Petersbourg. Imprimerie Trenke & Fusnot (Journal de St.Petersbourg), 1874. P.817.

Следует отметить, что двое из входивших в миссию уже бывали в России. В 1865 г. по предложению И.А.Гошкевича в Россию на обучение была отправлена группа молодых японцев. В группу из 6 человек входили молодые люди из самурайских семей, среди них был и ИТИКАВА Бункити. После революции Мэйдзи было прекращено финансирование японских студентов, обучавшихся за границей за счет сёгунского правительства. Однако, канцлер А.М. Горчаков предоставил ИТИКАВА Бункити стипендию российского МИД, поскольку тот «оказал успехи в науках и что возвратясь со временем на Родину, он мог бы распространять между своими соотечественниками благоприятные о России сведения»².

В конце марта 1873 г. в Санкт-Петербург прибыла миссия ИВАКУРА Томоми 岩倉具視. 1 апреля присоединившись к миссии, Итикава присутствовал на аудиенции у Александра II в качестве переводчика. В сентябре того же года вместе с миссией Ивакура он вернулся в Японию. В России Итикава провел в общей сложности около 8 лет. Сразу по возвращении он поступил на работу в министерство просвещения в качестве чиновника 7-го разряда. В декабре 1873 г. Итикава начал преподавать русский язык в открывшейся в том же году Токийской школе иностранных языков. В феврале 1874 г. он перевелся в японский МИД чиновником 2 разряда и уже в следующем месяце отправился в Санкт-Петер-

---

² АВПРИ, Фонд СПб ГА I -1. Опись №781. Год 1868. Дело 178. Л.2.

бург в составе миссии чрезвычайного и полномочного посланника ЭНОМОТО Такэаки. Обязанности Итикава состояли в переводе переговоров и документации. При переводе оказывали содействие также СИГА Тикатомо и НИСИ Токудзиро. Итикава состоял при миссии до 1878 г. и сопровождал Эномото при возвращении в Японию через Сибирь.

В июне 1886 г. Итикава сопровождал КУРОДА Киётака 黒田清隆 в поездке по Сибири в Петербург и далее в страны Европы и США³. В российской столице Курода встречался с Александром III. В качестве переводчика на аудиенции присутствовал ИТИКАВА Бункити. В апреле 1887 г. он вернулся в Японию. В том же году министерство просвещения Японии выпустило словарь русского языка, который состоял из 2-х томов и 2878 стр. ИТИКАВА Бункити был единственным составителем этого словаря. Книги на русском языке, которые он привез из Санкт-Петербурга, были переданы в 1924 г. в Токийскую школу иностранных языков⁴.

При миссии в качестве секретаря и переводчика также состоял СИГА Тикатомо (Александр Сига), чья судьба тесно связана с Россией. В 1861 г. он состоял переводчиком при русском дипломатическом агенте И.А.Гошкевиче в Хакодатэ и нередко был посредни-

---

³ АВПРИ, Фонд Японский стол. Опись №493. Год 1886. Дело 1272. л.3.

⁴ <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/publicth/45/sawada/sawada3.html> (14.09.2004)

ком в сношениях русских судов Тихого океана с японскими представителями. *Сига* состоял переводчиком и на переговорах 1867 г. в Санкт-Петербурге. Осенью 1871 г. он был назначен чиновником 9-го класса по заведованию делами с Россией и помощником учителя русского языка при министерстве иностранных дел Японии.

В августе 1873 г. он был назначен 3-им секретарем японской миссии в Санкт-Петербурге. В Санкт-Петербурге в декабре 1874 г. *Сига* принял Святое Крещение православного вероисповедания⁵. После возвращения из России в марте 1876 г. он стал секретарем 7-го класса заведующим делами с Россией при министерстве иностранных дел, но вскоре в 1877 г. вышел в отставку. О вкладе *Сига* в отношения между двумя странами говорит тот факт, в марте 1887 г. командующий отрядом судов в Тихом океане вышел с ходатайством о награждении отставного японского чиновника 7-го класса Александра *Сига*, который впоследствии за свои заслуги был награждён орденом Св.Анны III степени⁶.

Особого внимания также заслуживает и судьба *НИСИ Токудзиро* 西徳次郎, который в начале 70-х гг. был вольнослушателем юридического курса в Петербургском университете. В октябре 1874 г. по представлению В.П.Васильева *Ниси* было поручено преподавание японского

---

⁵ АВГРИ, Фонд Японский стол. Опись 493. Год 1887. Дело 1495. Л.4.

⁶ АВГРИ, Фонд Японский стол. Опись 493. Год 1887. Дело 1495. Л.1.

языка и китайской каллиграфии на факультете восточных языков⁷. При миссии *Эномото* он состоял в качестве студента-стажёра, затем в 1876 г. перешел в состав японской миссии в Париже. После *Ниси* вернулся в Санкт-Петербург в качестве поверенного в делах (1878-81 гг.), а затем был вызван в Японию. По дороге он посетил Западный и Восточный Туркестан, Илийский край и через Сибирь, Монголию и Китай прибыл в Японию в 1882 г. Также он находился в свите принца *Арисугава* при коронации Александра III. С 1886 по 1891 гг. и с 1893 по 1896 гг. *Ниси* являлся полномочным посланником в России. По представлению Н.К.Гирса в 1880 г. *НИСИ Токудзиро*, «получивший образование в одном из наших высших учебных заведений» был награждён орденом Св.Анны 2-ой степени за то, что «всегда высказывал большое сочувствие к России и во время заведования делами миссии старался поддерживать наилучшие отношения с МИД»⁸.

Миссия 1874-76 гг. сыграла значительную роль в процессе становления отношений между Россией и Японией. Санкт-Петербургский договор 1875 г. можно оценивать неоднозначно. В силу политической обстановки на Балканах и в Средней Азии российская сторона по-

---

⁷ Веселовский Н.И. Ниси Токудзиро. Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869—1894. Т.2. СПб., 1898. С. 279-280.

⁸ АВПРИ, СПбГА I-1. Опись 781. Год 1880. Дело 190. Л.1.

шла на уступки. Санкт-Петербургский договор 1875 г. можно рассматривать как дипломатический успех Японии. Однако, следует отметить несомненный культурный вклад как миссии в целом, так и отдельных её деятелей.

В 1874 г. была основана японская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге, которая стала осуществляться как политическую, так и культурную деятельность. Помимо вышеперечисленных ИТИКАВА Бункити, СИГА Тикатомо и НИСИ Токудзирō многие другие члены миссии проявили себя на переводческом и писательском поприще, тем самым внося свой вклад в дело изучения как японского языка в России, так и русского языка в Японии.

В 1875-76 гг. ЭНОМОТО Такэаки, ХАНАБУСА Ёситомо и Помпе фон Мердверорт перевели на японский язык труд Чарльза Даллета «История церкви в Корее». Перевод вышел в Токио в июле 1876 г.⁹ Во время переговоров в качестве справочной литературы ИТИКАВА Бункити перевел на японский язык статью Полонского «Куриль» (1871 г.). ЭНОМОТО Такэаки, которому было разрешено вернуться в Японию сухопутным путем через Сибирь, на основе впечатлений от этого путешествия составил свой «Сибирский Дневник».

---

⁹ АВПРИ, СПбГА I-1. Опись 781. Год 1880. Дело 190. Л.1.

Филиппов А.В.

**История Японии в учебном процессе
и печатных изданиях: Востфак—ранний этап**

Три столетия назад в Петербурге было положено начало преподаванию японского языка. Это был первый в мире центр японоведения, возникший за пределами Японии. Традиции этого центра унаследованы и восприняты Петербургским университетом в период становления японоведного образования во второй половине XIX в. Уже более ста лет на Восточном факультете существует кафедра японского языка. Но сегодня хотелось бы остановиться на некоторых особенностях «классического» японоведного образования в Петербургском университете. С самых первых лет для этого направления был характерен комплексный подход, позволявший готовить специалистов с глубокими разносторонними знаниями и широким кругозором, принесших неоценимую пользу отечеству (причём — в весьма разных областях деятельности). Свою роль здесь сыграло и обучение японскому языку в рамках китайско-маньчжуро-монгольского разряда. Выпускники этого отделения получали знания не только о Японии, но и об окрестных странах (Китае, Монголии и проч.), что открывало им новые перспективы для достижений не только в науке и образовании, но, скажем, и в дипломатии.

Комплексный подход в подготовке специалистов с раннего времени начал проявляться и в том, что на

Восточном факультете преподавали не только язык, а стремились дать разностороннее представление о культуре Японии во всех её аспектах. Это включало появление таких предметов как география, этнография и история. Для Восточного факультета первым штатным преподавателем, который поставил их на серьёзную методологическую основу оказался выпускник факультета Василий Яковлевич КОСТЫЛЕВ (в прошлом — видный дипломат). Он преподавал на факультете в качестве приват-доцента в 1907-1908 гг. (хотя факультет безуспешно пытался пригласить его преподавать десятилетием ранее — ещё в 1897 г.). По его собственным словам, он намеревался, помимо занятий японским языком, ознакомить господ студентов «с географией, историей и бытом Японии». После 1908 г. эти предметы продолжительное время вновь отсутствовали в учебных планах (с 1913 г. историю Японии стал читать китаист А.Е.Любимов). Важность появления фигуры В.Я.Костылева на Восточном факультете в качестве преподавателя этих дисциплин хочется особо подчеркнуть в связи с двумя следующими моментами. **Во-первых**, речь идёт о значимом для нашего японоведения периоде после русско-японской войны. Эта война выявила ряд слабых мест и в японоведении (очевидный недостаток словарей и языковых пособий, а вместе с тем, как представляется — и дефицит общей культурно-этнологической подготовки отечественных японоведов). Деятельность В.Я.Костылева в те годы была связана как с публикацией таковых языковых пособий (подобно словарю Д.М.Позднеева 1908 г.), так и с усилением теоретической подготовки

будущих японоведов в отношении знаний по японской культуре в целом. Кстати, движением в том же направлении стала хрестоматия по японской истории в 3-х томах того же Д.М.Позднеева (Токио, 1906). **Во-вторых**, именно В.Я.Костылев в 1888 г. стал автором первого в России фундаментального научного труда по истории Японии (В.Я.Костылев. Очерк истории Японии. СПб., 1888, стр.4+24+448.).

Более ранние публикации по истории Японии на русском языке представляют немалую ценность, но, будучи работами скорее популярными, вряд ли могут быть отнесены к научным изданиям. Хотя они составили целый этап в развитии представлений о Японии в России. Первая из них, 1773 г., переизданная в 1789 г., вышла до появления университета в Петербурге — это работа историка, немца на русской службе, Ивана РЕЙХЕЛЯ (*Рейхель И.* Краткая история о японском государстве, из достоверных известий собранная... М.: тип. университета, 1773, стр. [12], 239). Несколько позже, в 1835 г., появилась «История Японии, или Япония в настоящем виде» (в двух частях) востоковеда Николая ГОРЛОВА, изданная также в Москве и включавшая географические и прочие справочные данные. В 1854 г. увидел свет перевод монументального описания натуралиста Филиппа Франца фон ЗИБОЛЬДА (1796-1866, фактического основателя японоведения в Европе), в котором есть главы и по истории Японии (*Зибольд Ф.* Путешествие по Японии, или описание японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях, дополненное сведениями и

известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарвьуа, гр. Гогендорна, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса, и др. // Пер. В.М.Строева. Т.1—3. СПб.: А.А.Плюшар, 1854, стр.386, 307, 264+96.). Видную роль сыграли и «Очерки Японии» географа М.Венюкова (СПб., 1869, стр.441.). Несомненна высочайшая научная ценность трудов, принадлежащих перу историка-японоведа Никиты Яковлевича БИЧУРИНА (отца Иакинфа, 1777-1853) — переводчика разделов старинных китайских исторических хроник, посвящённых Японии (истоки его творчества также связаны с Петербургом).

Из приведённого видно, что либо деятельность авторов, либо даже сами публикации имели прямое отношение к петербургской школе японоведения. «Очерк истории Японии» В.Я.Костылева занимает среди них особое место как фундаментальный комплексный труд, написанный не на основе разного рода обзорных работ, а на базе серьёзнейших японских исторических источников. В числе таковых и авторитетнейшие «Большая история Японии», «Неофициальная история Японии» и др. памятники. Детальнейшее описание перипетий политической истории, насыщенность биографическими данными и разбор особенностей личностных отношений политических деятелей японской истории — не имеет аналогов и поныне. Вполне логичным будет назвать эту работу **первым на русском языке учебником по истории Японии**, для которого, впрочем, характерна редкая жанровая особенность — пристальное внимание к ходу чисто политической истории, избылующее вкраплениями личностно-биографического свойства. Воз-

можные упреки в таких недостатках, как излишнее внимание к персоналиям при небрежении историей народа — в какой-то мере, допустимы, но для науки в целом это вполне компенсировано другими пособиями, увидевшими свет уже в XX веке.

Позднейшие работы (тоже крайне немногочисленные), которые могут использоваться в качестве учебных пособий, обладают разными особенностями, как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Представляется, что можно назвать ещё лишь пять изданий на русском языке, вполне претендующих на право именоваться учебниками по истории Японии в целом. 1) А.А.Николаев. Очерки по истории японского народа. Т.1—2. СПб.: издание «Общественной пользы», 1905, стр.198+217. 2) Е.М.Жуков. История Японии. М.: ОГИЗ—Соцэкгиз, 1939, стр.220. 3) Х.Т.Эйдус. История Японии с древнейших времён до наших дней: Краткий очерк. М.: Наука—ГРВА, 1968, стр.223. 4) Ю.Д.Кузнецов, Г.Б.Навлицкая, И.М.Сырицын. История Японии. М.: Высшая школа, 1988, стр.432. 5) История Японии. Т.1—2. М.: ИВ РАН, 1998, стр.659+703. **Первая** из этих работ, А.А.Николаева (1905), помимо заявленной тематики, охватывает и широчайший круг вопросов жизни Японии начала XX в. Для **второй** работы, Е.М.Жукова (1939), характерно наиболее яркое отражение проблем социально-экономических при непосредственной связи с теорией формаций. Это первый учебник по истории Японии, изданный в советское время, и, как представляется, наиболее удобный для освоения материала, имеющего отношение к капиталистическому развитию Японии и развитию

внешнеполитической экспансии в соответствующее время. **Третий** учебник, Х.Т.Эйдуса (1968) — при небольшом объёме является взвешенным и крайне удобным учебным пособием для освоения самой различной тематики японской истории. **Четвёртый** труд, Ю.Д.Кузнецова, Г.Б.Навлицкой И.М.Сырицына (1988), подготовленный тремя московскими японоведами на самом излёте эпохи советского книгоиздательства — является, увы, последней работой, где запечатлены взвешенность предлагаемых оценок, терминов, разумность редакторской работы издательства и т.п. Впоследствии таких работ у нас уже не появлялось. Именно контрастом ему стал колоссальный двухтомник, подготовленный коллективом московских учёных уже в годы перестройки (1998) — **пятый** из названных учебников. Труд титанический, появление которого следует приветствовать, но, к сожалению, с массой недочётов в терминологии, цельности позиций авторов и проч. Помимо объёмности задействованного материала, к безусловным плюсам издания следует отнести такое редакционное достижение А.Е.Жукова как возможность возвращения японоведным изданиям иероглифики и общепринятого стиля написания долготы японских гласных в японской транскрипции.

Хотелось бы надеяться на возможность появления переводов на русский язык английских классиков японоведения (Дж.Сэнсом, Ф.Бринкли и др.). Это тем более важно, поскольку на день сегодняшний при радости от резко возросшего объёма публикаций приходится иметь дело и с явным негативом книгоиздательской деятельности (воплощённым, напр., изд-вом Евразия при

публикации «Истории культуры Японии» Дж.Сэнсома) — любительским подходом к подготовке издания и слабым желанием к контактам с профессионалами-японоведами. Впрочем, такие нюансы как чрезмерная рыхлость и сырость издания — увы, часто встречаемая особенность печатной продукции последних двух десятилетий даже и при весьма уважаемом составе авторов. Причина — в специфике издательского бизнеса, а пример такой «сырости» — энциклопедическое издание «Япония от А до Я» (М.: Япония сегодня, 2000, стр.640.).

Хотелось бы завершить данный краткий обзор пожеланием сохранить в Петербургской школе японоведения классические традиции, основы которых были заложены историками и филологами Петербурга, выпускниками и сотрудниками востфака университета: В.Я.Костылевым, Д.М.Позднеевым, Е.Г.Спальвиным (участником создания школы японоведения на Дальнем Востоке), С.Елисеевым (одним из отцов-основателей американской школы японоведения), Е.Д.Поливановым (автором общепринятой транскрипции), Н.А.Невским, Н.В.Кюнером, Е.М.Жуковым, Н.И.Конрадом, Е.Б.Радуль-Затуловским, М.В.Воробьёвым, Д.И.Гольдбергом, Л.В.Зениной, А.А.Холодовичем, Е.М.Колпакчи, А.А.Бабинцевым, В.Н.Гореглядом и другими.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рыбин В.В.</i> Первые веки трехсотлетнего пути изучения японского языка в Санкт-Петербурге (от Дэмбэя до создания кафедры японской словесности в СПбУ)	3
<i>Аракава Ёсико.</i> Семантические различия слов 愛 ай и 恋 кои в концепте «любовь» в японском языке	17
<i>Булацев С.Х.</i> Социальная функция японских ГЭЙДŌ («путей искусства») в период Мэйдзи (1868-1912)	22
<i>Зенина Л.В.</i> Михаил Васильевич ВОРОБЬЕВ (1922-1995): К десятилетию со дня кончины	27
<i>Ибрахим И.С.</i> Просодические характеристики коммуникативного типа предложения в японском языке	34
<i>Климов И.Ю.</i> История изучения религиозного движения иккō-икки в России	45
<i>Кудрярова Т.Н.</i> Вакамоного — язык современной японской молодёжи: словообразовательные способы и особенности	56
<i>Павлов И.В.</i> Женский поток, или литература женского сообщества в Японии	66
<i>Рыбин В.В.</i> МОРА как базисная единица в фонологической системе современного японского языка	77
<i>Синицын А.Ю.</i> Японские коллекции МАЭ РАН кон. XVIII в.	96
<i>Строева М.В.</i> Культурный аспект деятельности японской дипломатической миссии 1874-1876 гг. в Санкт-Петербурге	105
<i>Филиппов А.В.</i> История Японии в учебном процессе и печатных изданиях: Востфак—ранний этап	112

**Материалы научной конференции,
посвящённой 300-летию начала преподавания
японского языка в Санкт-Петербурге.**

22 октября 2005 г.

Подписано в печать 17.10.2005 Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,0. Тираж 100 экз. Заказ № 265.

Типография Издательства СПбГУ
199061, Санкт-Петербург, Средний проспект, 41.
